

Дворец утопленницы

Автор:

Кристин Мэнган

Дворец утопленницы

Кристин Мэнган

Фрэнки Крой – писательница, чья слава со времен публикации очень успешного дебютного романа успела порядком померкнуть. Прочитав нелестную рецензию на свою последнюю книгу, она переживает публичный нервный срыв и на время уезжает из Лондона в Венецию, чтобы спасти пошатнувшуюся репутацию и преодолеть творческий кризис. В этом призрачном городе, где бесконечные лабиринты улиц и каналов способны свести с ума, Фрэнки знакомится с девушкой по имени Гилли, которая называет себя ее поклонницей и упорно стремится завоевать ее дружбу. Но что из того, что рассказывает Гилли, правда, а что ложь? Каковы ее истинные мотивы? Не живет ли кто-то еще в пустующем старинном палаццо, где поселилась Фрэнки? Или, может, все это игра ее расстроенного воображения? Мастерски описанная Венеция, коварная и зловещая, выступает полноправной героиней этого изящного психологического триллера, события которого, несомненно, не могли бы произойти ни в каком другом месте.

Кристин Мэнган

Дворец утопленницы

© Ольга Рогожина, перевод, 2022

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2023

* * *

Пиппе, которая убедила меня вернуться в Венецию

Внутренние потрясения главной героини «Дворца утопленницы» срифмованы с катастрофическим наводнением 1966 года в Венеции. Этот роман – настоящая литературная вершина. Всем, кому близки книги Аниты Брукнер, Патрика Модiano или Вирджинии Вулф настоятельно рекомендуется.

The Exiled Soul

Если вам нравятся психологические тревожные истории, полные загадочной атмосферой, живописно зловещие, то «Дворец утопленницы» – идеальный роман. К тому же, он полон литературных аллюзий, предлагает погрузиться в сумрачное сознание писателя, где реальность путается с фантазией. И конечно, прекрасная Венеция, ветшающая и роскошная – один из самых притягательных героев книги Мэнган.

The Washington Post

Пролог

Рим, ноябрь 1966 года

Выйдя с вокзала Термини, она резко остановилась.

Сперва, толкнув стеклянную дверь и оказавшись снаружи, она услышала только биение их крыльев. И даже не сразу поняла, что это за шум такой – странный, оглушительный. Лишь удивленно замерла, вглядываясь в текущую мимо толпу – никто словно не замечал этого звука, до того похожего на треск огня, что на

одно безумное мгновение ей почудилось, будто весь мир объят пламенем, будто все, что осталось в прошлом, на дне водяной могилы, которой обернулась Венеция, уже не имеет значения. Запрокинув голову, она следила взглядом за кружившей в вечернем небе стаей птиц. Подвижная чернота, собранная из множества крохотных точек, напоминала облако саранчи.

Кто-то нетерпеливо протиснулся мимо – видно, спешил домой с работы, а может, из дальнего странствия, – толкнул ее, окатил волной раздражения. Она оступилась, уперлась взглядом в пост карабинеров всего в нескольких ярдах, в караульного, стоявшего у дверей. Сердце заколотилось, сбиваясь с ритма. Повернись караульный, что он увидит? Обыкновенную туристку, на мгновение оглушенную красотой Рима, или нечто более близкое к правде?

Беглянку в незнакомом городе.

Вздрагнув, она поспешила прочь, стараясь сосредоточиться на привычном перестуке каблучков по булыжной мостовой, ободряюще равномерном, зовущем вперед.

Оглядываться она себе запретила.

Глава 1

Венеция, октябрь 1966 года

Она направлялась на рынок Риальто – надеялась купить у местных торговцев вонголе[1 - Разновидность съедобных двустворчатых моллюсков. – Здесь и далее примеч. перев.], пусть в октябре для них и не сезон, – когда кто-то вдруг схватил ее за запястье.

Еще мгновение назад измученные ноги, умолявшие о спасительном вапоретто, несли Фрэнсис – или Фрэнки, как называли ее те немногие, кого она привыкла считать друзьями, – по берегу Гранд-канала. Плотнее запахивая на шее капюшон шерстяного пальто в «гусиную лапку» в попытке (впрочем, как она вынуждена была вскоре признать, безуспешной) защититься от холода и мороси, Фрэнки

решительно шагала к рыбному рынку, стуча каблуками по заляпанной дождем булыжной мостовой, – то и дело приходилось уворачиваться от толп туристов, торопливо заряжавших пленку в фотоаппараты, чтобы запечатлеть знаменитые венецианские фонари, и от их гидов, высоко державших деревянные таблички, – и ни на секунду не переставала поминать недобрым словом подругу, которой в эту скверную погоду следовало бы шагать рядом.

Но не тут-то было: несколько недель назад Фрэнки пришлось одной сесть на поезд до Дувра, уходящий с вокзала Виктория, компанию ей составила лишь мятая телеграмма на дне сумки. Эту телеграмму ей вручили вместе с билетом. ОПАЗДЫВАЮ ТЧК ИЗВИНИ ТЧК ПРОСТИШЬ МЕНЯ. Фрэнки понимала, что вопросительный знак по телеграфу не передашь, и все же поневоле разозлилась на самонадеянность этой фразы, превращавшей просьбу в констатацию факта. Она давно привыкла к легкомыслию подруги, и все же на этот раз ее пренебрежение обожгло сильнее обычного. В конце концов, именно Джек уговорила ее отправиться в Венецию – Фрэнки и в голову не пришло бы ехать одной.

Когда она позвонила Джек из телефонной будки на вокзале, та умоляла ее сдать билет: почему бы не вылететь в следующие выходные, вместе, к тому же самолетом можно добраться за считанные часы, вместо того чтобы тратить на дорогу несколько суток. Фрэнки так и не поняла, что послужило причиной задержки, а когда задала вопрос вслух, уловила в голосе подруги раздражение. Можно подумать, ей в понедельник на работу. Богатые наследницы – не то что простые смертные, им рабочий график не указ. Джек всегда была единоличной хозяйкой собственной жизни и нередко норовила похозяйничать в чужой. Но в тот день Фрэнки решительно воспротивилась. Летала она всего один раз и возненавидела каждую секунду, проведенную в небе. Ей претило все: вой двигателей, воздушные ямы, недостаток кислорода, безнадежная борьба с гравитацией. Даже тело протестовало. Казалось, все внутренности свело, стянуло тугим узлом – возможно, так оно и было на самом деле. Не оставляло давящее чувство, что ее заперли в железной коробке, заполненной сигаретным дымом и приторным запахом чужих духов, бессмысленными разговорами и острыми, нервными взглядами. Слишком уж все это напоминало грязные подвалы, где приходилось отсиживаться во время войны, слушая, как режут над головой самолеты. Едва дождавшись посадки, она вскочила с места и рванула к выходу.

Увы, перемещение по суше и воде оказалось немногим лучше. Внутри парома, до отказа набитого дамами, играющими в бридж, детьми, носящимися повсюду без присмотра, мужьями и отцами, разбежавшимися по темным углам с сигаретами и стаканами скотча, стоял удушливый жар, а снаружи погода была до того мрачная и пасмурная, что и на палубу за глотком свежего воздуха не выйти, – одним словом, путешествие выдалось изнурительное. Позже, уже в Турине, мельком взглянув на очередной железнодорожный билет, Фрэнки решила, что выезжать в Венецию ей предстоит с вокзала Порта-Суза, куда и привез ее парижский поезд, и лишь в последний момент поняла, что станция отправления другая – Порта-Нуова, до которой добрая миля пути. На несколько мгновений паника парализовала ее, но, быстро собравшись с мыслями, Фрэнки поймала такси и, о счастье, успела на вокзал как раз вовремя, хоть и рухнула на свое место в вагоне вся взмокшая и раскрасневшаяся, оглушенная стуком крови в ушах. Ее настроения нисколько не улучшил вид попутчицы – старушки, которая была укутана в необъятную и весьма скверно пахнущую шубу и держала на коленях жалкого вида таксу, принимавшуюся оглушительно таявкать всякий раз, как поезд трогался с места.

Когда Фрэнки наконец добралась до Венеции и даже умудрилась купить билет на нужный речной трамвай, ее охватило несоразмерное подвигу ощущение триумфа. Она сошла на причале Сан-Заккариа, нисколько не сомневаясь, что найдет дорогу самостоятельно, и даже отказалась от помощи улыбчивого носильщика – нет, в сестьере[2 - Район, административная единица в Венеции и некоторых других итальянских городах.] Кастелло она и одна не заблудится. Впрочем, об этом решении она пожалела сразу же, едва начала, следуя подробным указаниям Джек, углубляться в лабиринт бесконечных улочек, ширины которых еле-еле хватало, чтобы протиснуться в одиночку с чемоданом, не говоря уже о том, чтобы разминуться с людьми, идущими навстречу. Разминуться, на удивление, всегда получалось – встречные ловко уворачивались и проходили мимо, даже не задев ее плечом. Тесные улочки впадали в кампо – площади, оказавшиеся куда менее просторными, чем ей представлялось, – а из кампо вытекали новые переулки, тянувшиеся от одного моста к другому, пролегавшие порой под арками настолько низкими, что приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой. Пару раз она свернула не туда, но все же не слишком сбилась с дороги. Сильнее всего смущали тупики, которые – не чета старым добрым английским тупикам, что вырастают на пути надежными кирпичными стенами, – заставляли врасплох: дорогу внезапно преграждала вода, облизывала брусчатку, подбираясь слишком близко к ногам. Попавшись в эту ловушку впервые, Фрэнки на мгновение потеряла равновесие, сбита с толку колыханьем волн, тяжелым серным духом, стоявшим в переулке. Плеск

зеленоватой воды, то и дело перехлестывавшей через край, источавшей соленый, морской запах, завораживал, притягивал, и, вместо того чтобы отступить, она подалась вперед, навстречу ему. Лишь когда ее окликнули по-венетски из окна напротив, оцепенение спало. Она подняла глаза, скользнула взглядом по прямоугольникам окон, убранных кружевными шторами, увидела старика, который в ужасе уставился на нее, позабыв о музыке, лившейся из включенного где-то в квартире проигрывателя. Фрэнки смутилась, поспешно отступила назад, склонила голову и зашагала прочь, пытаясь сделать вид, будто прекрасно знает, куда направляется.

С тех пор прошло несколько недель, а Джек все не появлялась.

Так и вышло, что Фрэнки совсем одна брела по улицам города, до сих пор почти ей незнакомого, когда почувствовала, как на ее запястье сомкнулись чужие пальцы – до того крепко, что все тело обмякло от страха. Эта безотчетная реакция ее разозлила, ведь прежде за ней не водилось ни нервозности, ни пугливости, ни прочих идиотских качеств, которые поощряли в женщинах с детства известные ей пособия по этикету, – но после всего, что случилось, она невольно вздрагивала от любой неожиданности.

Впрочем, подняв взгляд и увидев, кто стоит перед ней, она едва не рассмеялась. Всего лишь девчонка. Пожалуй, следовало бы назвать ее молодой женщиной, но Фрэнки, с высоты ее сорока двух лет, все, кто был хоть чуточку моложе, казались молокососами.

– Фрэнсис, это вы?

Между ними вдруг закружила оса, польстившись, без сомнения, на сумку с желтыми сливами, купленными на плавучем рынке у Кампо Сан-Барнаба, и Фрэнки отогнала ее взмахом руки, заодно стряхнув с запястья пальцы девушки.

– Я, – ответила она. Прозвучал этот короткий ответ, пожалуй, резче, чем ей хотелось бы.

Она присмотрелась к своей собеседнице, первым делом приметив копну волнистых рыжих волос, которые каскадом стекали по плечам к самой талии. Наряд ее был из тех, что придирчиво подбирают в магазинах Вест-Энда.

Горчичного цвета платье-трапеция с отложным воротником едва достигало середины бедра, да и полы надетого поверх свободного свингера заканчивались немногим ниже. Фрэнки вдруг почувствовала себя чопорной старухой – короткие светлые волосы зачесаны назад и намертво заколоты вгрызшимися в кожу невидимками, на лице, кроме небрежно нарисованных стрелок, ни грамма косметики. Одета в непримечательный черный свитер и брюки-дудочки. Она плотнее запахнула пальто.

– Лучше Фрэнки. Фрэнсис меня зовут только пожилые родственники и малознакомые люди.

Сказав так, она нахмурилась, особенно остро ощутила, как невидимки тянут за волосы.

Она была уверена, что с этой девушкой прежде не встречалась. Но все же...

– Так и знала! – воскликнула девушка, прижимая ее к себе неловким движением, которое могло бы сойти за объятие, поддайся тело Фрэнки этому внезапному порыву. – Боже мой, столько лет прошло, но я сразу вас узнала.

– Мы знакомы? – спросила Фрэнки, отступая.

Девушка всплеснула руками и засмеялась:

– Ой, как неловко, вы не помните.

Фрэнки сощурилась. По роду деятельности ей приходилось встречаться с огромным количеством людей, особенно в этом году, после публикации новой книги, пусть и принятой весьма прохладно, но эта девушка явно слишком молода, чтобы вращаться в издательских кругах. Ей и двадцати не дашь – разве что вчера исполнилось. Нет, в издательском мире они познакомиться не могли.

– Вы случайно не дочь Дианы? – спросила она, и в памяти вдруг вспыхнул образ школьницы, которую едва ли не силком тащили с ней поздороваться. Фрэнки никогда особенно не любила Диану – жену одного из редакторов в ее издательстве, теперь и не припомнить которого. Слишком уж это была кипучая, экзальтированная дама.

Девушка просияла.

– Все-таки помните! Ой, как я рада.

– Да, – подтвердила Фрэнки, натянуто улыбнувшись. Та девочка, кажется, была светленькая, или это причуды памяти? Не стоило ей вообще заговаривать про Диану, надо было дождаться, пока сама представится, просто на всякий случай. – Что вы делаете в Венеции? – спросила она, даже не попытавшись смягчить интонацию.

– Прикидываюсь туристкой, – с улыбкой отозвалась девушка. – А вы?

Фрэнки взгляделась в ее лицо, пытаясь поймать ее на лжи – наверняка ведь и сама прекрасно знает, как и почему Фрэнки занесло в этот город. Ни одна газета не упустила возможности написать о происшествии в «Савое». Джек с редактором из всех сил берегли Фрэнки, но несколько статей все же попались ей на глаза, хлестнули заголовками. ПУБЛИЧНАЯ ИСТЕРИКА ИЗВЕСТНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ. ДОСОЧИНЯЛАСЬ: РОМАНИСТКА ПОТЕРЯЛА СВЯЗЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ. Остроумием они не отличались. Впрочем, надо думать, журналисты торопились поскорее отправить свои заметки в печать – не каждый день заслуженные писательницы прилюдно слетают с катушек в барах пятизвездочных отелей. Но если девушка, стоявшая перед ней, и слышала об этой истории, если и решила намеренно обойти ее молчанием – из вежливости или по какой другой причине, – то ничем не выдала себя. Фрэнки пожала плечами:

– В общем, примерно то же самое.

– Вы, наверное, совсем недавно приехали? – предположила девушка, и, хотя это было вовсе не так, Фрэнки ответила утвердительно. – Жаль, не выбрались пораньше, – продолжила та, жестом обводя рынок. – Не успели попробовать мозке.

– Мозке?

– Да, венецианцы так называют местный деликатес, прямиком из лагуны.

Фрэнки кивнула, осознавая, что они стоят в самой гуще движущейся толпы, – утром на рынок стекались и местные, и туристы, но перепутать одних с другими было невозможно. Венецианцы, заряженные утренними эспрессо и готовые торговаться до последней лиры, сосредоточенно разглядывали прилавки, туристы же неторопливо бродили туда-сюда со скучающим видом, а взгляды их скользили по крышам зданий, липли к палаткам с сувенирами и открытками.

– Сезон закончился, да? – из вежливости спросила она, прикидывая, сколько еще придется простоять здесь, прежде чем их обеих подхватит и унесет людским потоком. Она терпеть не могла пустопорожней болтовни.

– Да какой там сезон, – рассмеялась девушка. – Сегодня есть, а завтра нет. Моэканте подгадывают момент, когда начинается линька.

– Линька? – Фрэнки снова повернулась к ней, пытаясь понять, какое отношение это слово, наводившее на мысли о шерсти и перьях, может иметь к существам, живущим в каналах.

– Да, понимаете, это такие крабы, когда они сбрасывают панцирь, то на несколько часов остаются беззащитными, и вот тогда их можно есть, – объяснила девушка, все так же улыбаясь, и продолжила с неожиданным азартом: – Только надо успеть их вовремя выловить из воды, иначе панцирь снова отрастет и затвердеет.

Разглядывая свою собеседницу – впервые глядя на нее по-настоящему, – Фрэнки никак не могла решить, забавляет или пугает ее восторг, с которыми та описала эти неслыханные зверства.

– Звучит чудовищно, – отозвалась она, интонацией давая понять, что говорит не вполне серьезно.

– Да, пожалуй, – кивнула девушка, не переставая улыбаться. – А вы тут с кем-то или сами по себе, Фрэнсис?

Вопрос застал Фрэнки врасплох, она сощурилась. Нет, дочка Дианы точно была светленькая.

– А что?

Та лишь дернула плечами:

– Да просто хотела предложить как-нибудь встретиться, кофе выпить. – Не дождавшись от Фрэнки ответа, она добавила: – Я здесь тоже одна.

– Кофе выпить? – повторила Фрэнки.

– Да. Может, завтра? Вы где остановились?

– В палаццо недалеко от Кампо Санта-Мария Формоза. Номер дома не помню, – солгала она. – Но завтра, боюсь, не получится.

Девушка, очевидно, рассчитывала на другой ответ.

– Понятно, – отозвалась она несколько тише и добавила, на этот раз почти робко: – Тогда послезавтра?

– Тоже не выйдет.

Сим Фрэнки намеревалась положить конец разговору – просто уйти, не позволив посторонней девице навязаться на ее голову. Ее не особенно привлекала перспектива встречаться с незнакомыми людьми, вести вымученные беседы, но вид у девушки сделался до того удрученный, что ей тут же захотелось сказать что-нибудь еще, как-то вырваться из этой нелепой ситуации, из этой густеющей толпы, и она поневоле добавила:

– Хотя, пожалуй, я могу подвинуть кое-какие дела.

Лицо девушки снова расцвело.

– Меня, кстати, зовут Гилли, – представилась она, именно так, через «Г», и протянула руку. – Просто напоминаю, вдруг вы забыли.

До этого Фрэнки бывала на континенте лишь однажды – еще совсем девчонкой.

О Франции у нее сохранились редкие, отрывочные воспоминания: слепящий свет, разлитый по булыжным мостовым, запах выпечки по утрам. Ей тогда посчастливилось отправиться в поездку с подругой и ее родителями – маршрут, начинавшийся из столицы, опоясывал страну широким кругом, пролегая через множество городов, городков и деревень. Но свое сердце Фрэнки так и оставила в «городе света». Нет, разумеется, затейливая архитектура Руана, сказочные виды Мон-Сен-Мишель и даже раскаленный песок на пляжах Ниццы приводили ее в восторг, но все же не шли ни в какое сравнение с Парижем, с его ароматами – запахом дрожжей по утрам, крепким духом сыроварен, жарким дыханием метро, которым ее обдавало всякий раз, стоило только сделать пару шагов вниз по лестнице. В Париже перед Фрэнки широкой, незапятнанной лентой простиралось будущее – ее и больше ничье.

С тех пор она, можно сказать, и не путешествовала. Поначалу просто не могла себе позволить такой роскоши: родители погибли, а оба предложения руки и сердца (одно вполне серьезное, другое скороспелое и необдуманное) она отвергла, променяв замужество на учебу в университете и оказавшись таким образом в весьма невыгодном финансовом положении относительно большинства сверстниц. Но ближе к тридцати она опубликовала первую книгу, и вместе с успехом пришли деньги – на поездку за границу вполне хватило бы. Однако к тому моменту ее страсть к путешествиям угасла, пережитый когда-то восторг почти стерся из памяти, оставив по себе только бледный отголосок. И пока все вокруг твердили, что, лишь уехав на край света, можно по-настоящему обрести себя, Фрэнки невольно думала: какая чушь. Себя она и так хорошо знала (быть может, даже слишком хорошо) и давно поняла, что мрачный, пропитанный дождями Лондон создан для нее, что нет на свете лучшего развлечения, чем пройтись по главной улице Крауч-Энда, доехать на девяносто первом автобусе до Юстона и, скорым шагом преодолев несколько кварталов Блумсбери, предъявить свой читательский билет в круглом читальном зале Британского музея. Пусть другие жарятся на пляжах Позитано, пусть даже упиваются меланхоличной романтикой Парижа, она им не завидует – ни капли. Ей вполне хватает собственного тесного мирка.

Стоит ли удивляться, что Фрэнки с первого взгляда невзлюбила Венецию? Погода стояла неожиданно теплая, но о том, чтобы открыть окна, разогнать спертый, липкий воздух в палаццо, не могло быть и речи: снаружи, и во дворе, и над каналом, подстерегали полчища комаров. Лишь единожды она совершила эту роковую ошибку и проснулась вся покрытая красными, зудящими пятнами, которые опухали и мокли, отказываясь заживать. Самые страшные укусы не затянулись до сих пор – Фрэнки ежедневно натирала их мазью, опасаясь, что

гроздь волдырей на руке, повыше кисти, так и останется с ней навеки.

Но всего через несколько дней после ее приезда погода переменилась. Потянуло промозглой осенью, до странности напоминавшей лондонскую, и кампо почти очистились от туристов. Тут же в городе показались местные жители, прежде не попадавшиеся Фрэнки на глаза: пожилые венецианки, кутаясь в шубы, неторопливо шагали к дверям кофеен и баров рука об руку с подругами, а их вторые половины тем временем спешили по своим делам, решительно поднимаясь на один мост за другим, непременно волоча за собой на поводке мелкую собачонку. Из города для туристов Венеция неожиданно превратилась в город для своих и с той поры начала даже нравиться Фрэнки, особенно она ценила пустынные улицы – роскошь, недоступную в Лондоне независимо от времени года. Теперь, когда стихли вездесущие, суматошные шаги, Фрэнки часами бесцельно бродила, глядя по сторонам и вверх, ни о чем не беспокоясь, не опасаясь случайно столкнуться с прохожим. Она надолго останавливалась в переулках, засиживалась в кафе, где заказывала бриошь или крапфен[3 - Крапфен, берлинский пончик, берлинер, – изначально немецкий десерт, который тем не менее считается национальным блюдом в нескольких северных регионах Италии, в том числе в Венеции.], итальянский пончик с джемом, и медленно потягивала кофе – стоило толпам раствориться, и спешить стало некуда.

В Венеции ей изредка удавалось прикоснуться к ощущениям, впервые пережитым много лет назад в Париже. Но лишь время от времени, в определенных местах. К примеру, на палубах речных трамвайчиков, вапоретто, где она сидела, запрокинув голову, рассматривая проплывавшие мимо здания, глядя только вверх, всегда снизу вверх, точно город требовал к себе благоговейного отношения; или вечерами, когда за окном смеркалось – а сумерки теперь начинались, не успев закончиться, – и она отправлялась блуждать по мрачному лабиринту, составленному из мостов и каналов, из бесчисленного множества крошечных островков, из непостижимых переплетений уединенных улиц. Эти же полузабытые чувства поджидали ее в местах, отмеченных историей, – там, где еще звучало эхо давно ушедших событий и давно смолкших голосов, и прошлое прикасалось к ней сквозь века, трогая душу так, как не трогало ничто другое со времен далекой юности.

Но теперь, после того, как она встретила с этой девушкой, город неуловимо переменился, будто утратил с ее вторжением прежний лоск. Нелепая мысль, слишком сентиментальная даже для Фрэнки, и все же она без конца ловила себя на ощущении, что день течет уже по-другому, что он навсегда отмечен чужим

присутствием.

Отыскав среди бесконечных прилавков полюбившуюся ей торговку ароми мисти – смесью трав: розмарина, лаврового листа и чабреца, – Фрэнки встала в очередь. Она очень рано, еще и недели не прожив в Венеции, научилась не трогать ничего руками – первая и единственная попытка закончилась тем, что торговка звонко шлепнула ее по руке и разразилась пулеметной очередью венецкой ругани. Так Фрэнки выяснила, что у прилавка полагается ждать (в Италии люди, похоже, только и делали, что ждали), пока тебя заметят, обслужат, соблаговолят взять деньги и отсчитать сдачу. На покупки, которые в Лондоне совершались за считанные минуты, здесь уходила уйма времени. Овощи и фрукты у одного торговца, рыба у другого, вино у третьего, сыр, макароны и яйца у четвертого. И все же, вместо того чтобы злиться, Фрэнки чувствовала, что эта ежедневная рутина ее странным образом успокаивает.

Добравшись наконец до рыбного рынка, она сумела весьма выгодно купить свежельовленных сеппиолине[4 - Мини-каракатицы (ит.)], но вонголе, ради которых она пришла, увь, не оказалось. Отсчитывая монеты, Фрэнки осознала, что покупка эта не принесла ей особенного удовольствия и даже ценник, нацарапанный чернилами этих самых сеппиолине, нисколько ее не развлек. Она никак не могла стряхнуть воспоминание о цепких пальцах той рыжей девицы, сомкнувшихся на ее запястье.

Когда все покупки были сделаны, Фрэнки отправилась в бакаро[5 - Традиционный венецианский бар или таверна, где подают напитки и закуски.] всего в паре шагов от рынка. Единственное помещение крохотного бара было до отказа набито итальянцами; с трудом пробравшись сквозь толпу, сквозь гул разговоров и сизые клубы сигаретного дыма, висевшие в воздухе, она сделала свой обычный заказ – un’ombra[6 - Здесь: бокал вина (венет.)] – и, получив бокал красного вина, вышла с ним на улицу и устроилась на одном из ветхих деревянных стульев среди таких же, как она, любителей посидеть на свежем воздухе. Фрэнки надеялась, что вино успокоит нервы. Но даже здесь, в вечных сумерках не приметной улочки, пока она подносила к губам бокал, каблукь ее дробно стучали о булыжники мостовой, а мысли скакали, не желая униматься.

Гилли. Так она назвалась. Фрэнки в этом имени мерещилась какая-то фальшь. И в имени, и в истории их предполагаемого знакомства. Гилли через «Г». Слишком уж по-детски это звучит, невольно вспоминаешь стишки для малышей, все эти «тили-дили-гилли-бом», трудно поверить, что кому-то взбредет в голову так

назвать собственного ребенка. Сделав очередной глоток, Фрэнки допустила, что проблема, быть может, и не в самой девушке, а в том, что та узнала ее, Фрэнки, на улице. Обнажив таким образом неприятную правду: сколько ни пытайся повернуть фокус с исчезновением, даже в Венеции невозможно исчезнуть без следа. Везде найдутся те, кто знает если не ее лично, то как минимум савойскую сплетню. Да не все ли равно – теперь первое, в сущности, равносильно второму. Нравится ей это или нет.

Мотнув головой, Фрэнки тихонько выругалась.

Если бы только она не прочла той злополучной рецензии!

Вырезки из всех газет и журналов, где ее упоминали, она получала еще со времен первой публикации – сама попросила об этом редактора. Как Шарлотта Бронте, которая собирала решительно все, что о ней писали в прессе. Фрэнки всегда нравилась эта идея, она убеждала себя, что очень важно знать, как рецензенты воспринимают ее тексты, какие приемы работают, а какие нет, чтобы в будущих книгах подтянуть слабые места. Разумеется, с первым романом это было несложно – его почти единодушно хвалили.

Но с каждой следующей книгой интонация критиков менялась – едва уловимо, но безошибочно.

Рецензии на последний ее роман можно было пересчитать по пальцам, да и в тех его вяло поругивали, не забыв при этом посвятить несколько хвалебных строк первой книге, которую, хоть о ней и было в свое время написано немало, кажется, уже не переиздавали. Превознося ее стиль и мастерство, критики добавляли, что новая книга мало чем отличается от предыдущих, и между строк в статьях сквозила скука. Внутри у Фрэнки потихоньку сжималась какая-то пружина. Второй ее роман на волне успеха первого продавался неплохо, но с третьим дела обстояли хуже, а теперь стало ясно, что и новый, четвертый, обречен затеряться среди проходного чтения. С годами тревога росла, издательство, постепенно терявшее к ней интерес, рисовалось в ее воображении живым – огромным неповоротливым зверем, который пока еще придирчиво обнюхивает ее, но рано или поздно отвернется совсем. Казалось, конец близок, вот-вот покажется из-за поворота. Чисто технически по договору за ней оставалась еще одна книга. Договор этот она подписала после публикации третьего романа – тогда в издательстве еще на что-то надеялись, еще верили в ее талант и рассчитывали, что затраты на нее однажды окупятся.

Хотели опубликовать четвертый роман и первыми прочесть рукопись пятого. Что будет, если они прочтут ее и вернут, Фрэнки не знала и старалась лишний раз об этом не задумываться, но после той рецензии страх преследовал уже неотвязно.

Рецензия пришла почтой, вместе с другими заметками, которые пару раз в месяц отправляла ей секретарша Гарольда, ее редактора; это была непримечательная статейка в еженедельнике, названия которого Фрэнки прежде и не слышала, подписанная лишь инициалами: «Дж. Л.».

Пробежав глазами вступление, Фрэнки почувствовала, как кровь приливает к лицу.

Первая строка нового романа Фрэнсис Крой не производит решительно никакого впечатления. Она написана до того пресно, вяло и безжизненно, что автору этой заметки даже пришлось на мгновение отложить книгу, гадая, что случилось с дерзким талантом писательницы, которая запомнилась читающей публике своим ошеломительным дебютом – романом «Когда конец настал». В новой книге не видно и тени этого таланта.

Поначалу Фрэнки пыталась забыть о рецензии, выкинуть ее из головы. Но мешала хроническая склонность к навязчивым мыслям, к заикливанию. В тот день она отдраила всю квартиру до блеска. А когда поняла, что каждый уголок сияет чистотой, что скоблить и полировать больше нечего, вознамерилась поговорить с редактором. Звонить не стала, просто заявила в его кабинет, швырнула журнал на стол, не удосужившись даже объяснить, в чем дело. Вышло несколько театрально, но Фрэнки в ту минуту казалось, что пафос уместен как никогда. Гарольд, прочитав рецензию, пожал плечами и предположил, что это дело рук какого-нибудь слишком рьяного обожателя.

– Обожателя? – усмехнулась Фрэнки. – Нет уж, Гарольд, мои поклонники тут явно ни при чем.

Но тот лишь покачал головой и заявил, что за годы работы в издательстве повидал всякого, только диву даешься.

– Иногда любовь и ненависть так перемешиваются, что с первого взгляда и не разберешь, где одно, где другое.

Фрэнки потянулась к его сигаретам, впервые позволила себе такую дерзость.

– Ну и чушь ты несешь, – заявила она, надеясь, что Гарольд не заметил, как дрожали ее руки, пока она пыталась прикурить.

– Стоит ли так расстраиваться из-за одной рецензии? Их и не читает никто.

– Не в этом дело.

– Я понимаю, дорогая, но ты просто постарайся не брать это в голову. Другие критики, они... – Он умолк, пару раз кашлянул и развел руками, не находя слов, отчего Фрэнки едва не взвилась, едва не огрызнулась – мол, что другие критики, хотя и сама давно прочла все между строк в бескровных рецензиях, угадала за почти единодушным молчанием. – Не принимай близко к сердцу, – сказал он наконец. – Пусть это станет стимулом в следующий раз попробовать что-нибудь новенькое, заодно и продажи немножко подстегнешь.

Фрэнки заморгала.

– Ты у нас уже не дебютантка, – поспешил объяснить Гарольд. – У тебя за плечами четыре книги, Фрэнки, и то, что работало прежде, уже, ну...

Уже не работает. Вот что он пытался сказать.

– Что-нибудь новенькое? – переспросила она, отбросив большую часть услышанного.

Но Гарольд отказался обсуждать рецензию дальше, посоветовал ей вместо этого выпить чашечку крепкого «эрл-грея» и как следует выспаться.

– Утро вечера мудренее, завтра поймешь, что не все так страшно, – пообещал он.

Фрэнки лишь фыркнула и, вернувшись домой, поступила с точностью до наоборот – за всю ночь не сомкнула глаз. До утра перечитывала рецензию, пока не выучила ее наизусть, и курила одну сигарету за другой, прикончила целую пачку «Плейерс-Нэйви-Кат», которую стащила из кабинета Гарольда, – она терпеть не могла те нелепые тоненькие сигаретки, что теперь повсюду

норовили всучить женщинам. Лишь когда рассвело, она наконец оторвала воспаленные, опухшие глаза от страницы, швырнула журнал в мусор и, вспомнив совет, заварила себе чаю.

И ведь не впервые о ее книгах плохо отзывались. Про ее второй роман в одной из солидных газет опубликовали весьма язвительную статейку, которая, впрочем, почти не задела самолюбия Фрэнки: ее автора, критика, известного своим презрением ко всему, что нравилось другим, она легко сбросила со счетов. Но эта рецензия запала в душу. Было в ней что-то личное, сокровенное, будто автор близко знал ее, и потому острее ощущалось его неодобрение, нет, хуже – его разочарование, так и сочившееся со страницы. Еще сильнее сжалась пружина внутри, страх застыл, окаменел, стыд переродился в ярость.

Будь она моложе, возможно, отнеслась бы к этому спокойнее. Но теперь любые события казались куда значительнее, весомее. Теперь ей было что терять, она утратила прежнюю наивность и со всей ясностью осознавала, насколько шатко ее положение.

Несколько недель спустя она позвонила Гарольду.

– Я подумываю, – начала она, едва тот снял трубку, – сочинить роман об убийстве критика.

– Это вроде больше в духе Патриции Хайсмит?[7 - Патриция Хайсмит (1921–1995) – американская писательница, автор психологических детективов, в том числе знаменитого романа «Талантливый мистер Рипли» (1955) и его продолжений.] – ответил он.

Так это или нет, Фрэнки не знала, но сочла, что Гарольд, пожалуй, прав, и нехотя отказалась от этой затеи. Потом она решила, что похожа не столько на Бронте, сколько на Стейнбека. Ей тоже хотелось познакомиться с критиком, попытаться понять, за что он так взъелся на нее и ее книги. Только вот как его найти, если известны одни лишь инициалы, Дж. Л., обнесенные растущей день ото дня стеной молчания? Она принялась писать письма, одно за другим, собираясь передать их Гарольду – пусть разошлет всем, кто может знать автора рецензии, отправит хоть в сам журнал, если потребуется. В минуты отчаяния она даже подумывала дать объявление в газету, опубликовать и рецензию, и свое письмо, принять это публичное унижение, вместо того чтобы прятаться от него – ведь

этого, наверное, критик добивался?

В конце концов она сожгла все письма до единого, глотая виски, от которого саднило в горле, воображая, будто это огонь опалает ее изнутри. Пришлось признать, что, вернее всего, тайна Дж. Л. так навсегда и останется тайной, и Фрэнки попыталась умерить пыл, погасить жгучую, мучительную обиду. Во всяком случае, именно в этом она убеждала себя, убеждала редактора, между бровей у которого успела залечь беспокойная складка, убеждала Джек, которая при встрече с ней всякий раз поджимала губы.

Когда в «Савое» случилось то, что случилось, это не удивило ни саму Фрэнки, ни ее близких – казалось, что-то подобное должно было произойти рано или поздно. И за этим неминуемо должен был последовать «Бримли-хаус».

Заведение это, располагавшееся в часе езды от Лондона, прикидывалось самым обычным домом отдыха, хотя всякий, кто был с ним знаком, прекрасно понимал, что не все так просто. Фрэнки поначалу отказывалась ехать, но Джек и Гарольд в кои-то веки сошлись во мнениях и в один голос твердили, мол, если не отправишься туда добровольно, тебя после всей этой истории с «Савоем» упекут силком. Фрэнки могла бы и рискнуть, но в конце концов у нее не осталось выбора – слишком уж отчаянно скандал мусолили в газетах. Решив не дожидаться, когда в дверь постучат люди в белых халатах, она явилась, так сказать, с повинной. Назвалась выдуманным именем и, несмотря на прежние опасения, сдалась на милость докторов с некоторым даже любопытством. Впрочем, уже через неделю стало ясно, что жизнь в клинике не для нее, что все эти занятия физкультурой и рисованием – полная чепуха, что от такого лечения только копятся внутри отчаяние и ярость. Фрэнки по природе своей всегда была одиночкой, но в брюхе у «Бримли-хаус», под скрип его викторианских костей, вдруг испытала совершенно новое, подлинное одиночество, напугавшее ее до смерти.

Она сбежала среди ночи, три недели спустя, обещая себе, что в жизни больше не совершит подобной глупости. А оказавшись в отеле, позвонила Джек и сообщила, что вернуться к прежней жизни пока не готова и собирается ухать из Англии, – тогда-то и зашла речь о Венеции.

Поначалу мысль пришлась Фрэнки не по душе, но Джек не дала ей и слова поперек сказать.

– Ты Италию не любишь, я помню, но послушай меня хоть раз в жизни. Венеция – не совсем Италия. – Пустившись объяснять свой выбор, она привела два весьма убедительных аргумента, жилье и деньги, а в конце добавила: – К тому же все великие писатели там хоть раз да побывали.

И, хотя Фрэнки не хотела соглашаться, хотя ее представления об Италии, давно сложившиеся из чужих описаний и обрывков чужих разговоров, не сулили ничего, кроме донжуанов с сальными ухмылками и ресторанной еды, слишком тяжелой даже для самих итальянцев, да к тому же приправленной бессовестным ценником, нельзя было не признать, что предложение звучит заманчиво.

– И что, там никто не живет? – спросила Фрэнки, не вполне веря своему счастью.

– Сейчас – нет, – ответила Джек. – Дом принадлежит маме с папой, но они туда уже сто лет не ездили. Раньше его сдавали, в основном местным семьям, но в последнее время арендаторов не находилось.

Фрэнки на мгновение задумалась.

– В чем подвох?

– Нет никакого подвоха, дорогая, – после едва уловимой заминки отозвалась Джек. – Чисто технически это половина палаццо. Вторая принадлежит другим людям, но у них свой вход, так что их почти не видно. Да и не слышно, если я правильно помню.

– Звучит вполне сносно, – задумчиво сказала Фрэнки. – Только это ведь не все? Ты чего-то недоговариваешь?

– Нет, что ты. Ну, разве... – начала Джек. – Я подумала, что мы, возможно, к тебе присоединимся, поможем устроиться. Всего на пару дней – тоже хотели ненадолго сбежать из Лондона. Тем более что мы, если честно, подумываем продать палаццо. Никто из нас туда давно не ездит, а канитель с наследством будет несусветная. И если ты там поживешь, это будет очень кстати. У меня тогда не останется выбора, придется наконец поехать и всем этим заняться. Морока та еще, в Италии ничего запросто не продашь и не купишь, вечно все сложнее, чем хотелось бы.

– Мы? – переспросила Фрэнки, цепляясь к детали, которую следовало бы оставить в покое, да не позволила досада на Джек, вздумавшую ее опекать.

Повисла пауза.

– Да.

Джек явно потребовалось основательно собраться с духом, чтобы произнести это короткое слово. Не будь Фрэнки так сердита, она бы, пожалуй, рассмеялась. Под «мы» Джек подразумевала себя и своего мужа Леонарда. Замуж она собралась внезапно, в первую очередь для себя самой – много лет с гордостью называла себя независимой женщиной и убежденной холостячкой и вдруг одним прекрасным вечером два года назад заявила к Фрэнки домой и после обильных возлияний созналась, что ее одолели сомнения. Всего пару недель спустя они с Леонардом поженились. Расписались без лишних церемоний, присутствовали только родители. Фрэнки не пригласили, и этого она им до сих пор не забыла. С того дня отношения испортились. И не потому, что Фрэнки невзлюбила Леонарда – человек он был неплохой, хоть и зануда, – ей досаждало то, как его вторжение повлияло на многолетнюю дружбу с Джек, отодвинуло Фрэнки на второй план.

В месяцы, предшествовавшие скандалу в «Савое», они с Джек говорили считанные разы, а виделись и того реже. Поначалу Фрэнки списывала все на работу, на новую книгу, а если случалось вдруг забеспокоиться, убеждала себя, что они обе просто-напросто слишком заняты. Но дело было совсем в другом, и Джек, разумеется, понимала это не хуже. С появлением Леонарда что-то неуловимо переменялось между ними, по самому основанию их дружбы поползла трещина, грозившая неминуемым расколом. Перемены всегда пугали Фрэнки, а если дело касалось подруги, и вовсе приводили в ужас. Она давно подозревала, что Джек однажды перерастет ее или, хуже того, решит, что не к лицу богатым наследницам водить сомнительную дружбу с романистками. Тем вечером в «Савое», отвечая на вопросы полицейских, она почти безотчетно назвала имя Джек, опасаясь в глубине души, что та не приедет. Как выяснилось, опасения были совершенно напрасны. Джек явилась мгновенно, наперекор лондонским дорогам с их вечными заторами.

К чести Леонарда надо сказать, что и он охотно предложил помощь. Фрэнки сперва отказывалась, но в итоге именно благодаря ему дело уладили мирно. В конце концов, других знакомых адвокатов у нее не было, и вдобавок у Леонарда

имелось дополнительное преимущество, о котором они с Джек подумали уже после, когда Фрэнки, поддавшись на уговоры, согласилась, чтобы он вмешался, – можно было не опасаться, что он станет трепать языком.

Но это в прошлом.

Фрэнки вздрогнула и поднялась на ноги, оставив недопитый бокал вина. Проходя через рынок, она старалась держаться подальше от прилавков, от продавцов, спешила сбежать из людской толчеи.

– *Vuoi comprare, signora?*[8 - Желаете что-то купить, синьора? (ит.)] – обратился к ней один из торговцев.

– *No, grazie*[9 - Нет, спасибо (ит.)], – пробормотала она в ответ.

Она шагала прочь от рынка, к мосту. И, чтобы прогнать хандру, старалась воскресить в душе чувство, охватившее ее, когда она впервые услышала от Джек о палаццо – пустом необъятном дворце, который только и ждет, чтобы она приехала и наполнила его жизнью. Несмотря на все сомнения, на все опасения, едва Фрэнки решила, что воспользуется щедрым предложением подруги, как на горизонте замаячила искорка надежды. Ожили полузабытые впечатления далекой юности. Подходя к палаццо, торопясь укрыться среди его стен, она цеплялась за это чувство изо всех сил.

Во внутреннем дворе она ненадолго замешкалась.

Соседи впервые обнаружили себя лишь через несколько дней после ее приезда. Фрэнки возвращалась поздно, гулко стуча каблуками по каменным плитам, а когда остановилась найти ключи, шаги так и продолжили звенеть в тишине. Она вздрогнула, поспешила подняться по лестнице, дрожащими руками отперла дверь, ведущую в холл, гадая, не мог ли кто-то пробраться в дом. Но прошла минута, за ней другая, и никто не появился, лишь чьи-то туфли отбивали все тот же ломаный ритм, и в конце концов Фрэнки рассудила, что это жильцы из соседней квартиры.

Палаццо разделили пополам так, что, стоя в дверях, нетрудно было заглянуть в окна по другую сторону двора, за которыми, вероятно, располагался еще один в точности такой же холл. Напротив еще ни разу никто не показывался, даже тени

за окнами не мелькали, но однажды ночью, не так давно, Фрэнки заметила, что в одной из комнат горит свет. Это ее несколько не насторожило, даже наоборот, согрело и утешило – приятно было сознавать, что она не одна в этом огромном доме, походившем порой на мавзолей. При свете дня она наслаждалась уединенностью пустынных улиц, да только ночи – дело совсем другое.

Замерев на верхней ступеньке лестницы, она напрягала зрение, пытаясь разглядеть таинственного соседа. Ничего. Казалось, в палаццо, да и во всем городе нет никого, кроме нее, лишь безжизненная пустота простирается на мили вокруг.

Тишина, укрывшая Венецию, напомнила ей о том, как в военные годы она записалась дежурной в отряд противовоздушной обороны. По возрасту она вообще-то не подходила, слишком молодая, но в те времена на подобное смотрели сквозь пальцы. Было бы желание, а у нее, кроме желания, имелись еще и способности – немаловажное для такой работы преимущество. Некоторым из дежурных случалось поддаваться на уговоры, на мольбу в глазах и позволить парочке-другой упрямцев остаться дома, но Фрэнки никаких отговорок не слушала – когда звучали сирены, она всех до единого выпроваживала на улицу и направляла к ближайшему бомбоубежищу. Как-то раз даже пришлось самой тащить туда птичью клетку – старичок отказался бросить любимого попугая. Вместо того чтобы тратить драгоценные минуты на споры, она схватила клетку и бросилась к двери, даже не обернувшись проверить, идет ли хозяин следом.

Как только все жители ее участка оказывались под землей, в безопасности, она замирала, обводила взглядом чужой, изменившийся до неузнаваемости город, и ее вдруг пронзал ужас – а что, если, кроме нее, никого не осталось? Чуть, казалось бы, – она ведь знала, что в убежище всего в паре шагов от нее прячутся люди, могла назвать их точное количество. И все же, стоя на осиротевшей улице некогда шумного, суматошного города своего детства, она видела лишь запустение, чувствовала лишь одиночество – впереди, позади, повсюду. В такие мгновения она боялась, что это продлится вечно, что никому из них уже не спастись, разве только понарошку, в самом поверхностном смысле.

Фрэнки заставила себя сделать глубокий вдох и, ощутив привкус соли и моря в воздухе, вспомнила, где находится. В Венеции – в сотнях миль от Лондона и от призраков прошлого. Она медленно выдохнула и зашла в дом.

Глава 2

Телефон то принимался звонить, то умолкал – так продолжалось почти целый час. И в этом не было бы ничего удивительного, знай Фрэнки заранее, что в палаццо вообще есть телефон. Этому необъятному зданию словно чуждо было все современное, поэтому, приехав, Фрэнки и не подумала поискать аппарат: само собой, его здесь нет и быть не может.

Первый звонок разбудил ее рано утром. В ответ она лишь спрятала голову под одеяло и провалилась обратно в сон, решив, что звук доносится из соседней квартиры, до того глухим и далеким он казался. Но всего через четверть часа ее разбудили снова, и на сей раз Фрэнки вынуждена была признать, что трезвонит, судя по всему, на ее половине. Проснувшись она еще не окончательно, но все же, скрепя сердце и чертыхаясь, выбралась из постели и принялась тереть затуманенные сном глаза. Затем надела халат – шелковое кимоно с цветочным узором, когда-то полученное в подарок от Джек на день рождения и до сих пор остававшееся единственной яркой вещью в ее гардеробе. Вздрагивая от прикосновений холодной ткани, она стала спускаться по лестнице: придется отыскать чертов телефон, а то ведь и умом тронуться недолго.

Только поди его отыщи в этом необъятном дворце.

Трехэтажное палаццо располагалось всего в нескольких минутах ходьбы от Кампо Санта-Мария Формоза, и порядок в нем поддерживала бессменная домработница Мария, чья вечно хмурая мина весьма гармонично вписывалась в атмосферу. Размеры здания поистине впечатляли, а за его стенами скрывался просторный, мощный терракотовой плиткой внутренний двор с двумя лестницами, одна вела на половину Фрэнки, вторая – на соседнюю. Судя по всему, изначально палаццо строили для одной семьи, но впоследствии, из соображений экономии, разделили пополам, так и появились две одинаковые лестницы. Впрочем, эта перемена, должно быть, произошла в незапамятные времена. Обе лестницы, не то каменные, не то мраморные – Фрэнки не умела отличить одного от другого, – были выполнены весьма затейливо: перила украшали декоративные элементы, походившие на артишоки, а стрельчатые арки балюстрад наводили на мысли о готических романах. Все это явно создавалось не в двадцатом веке. Точно намекая на свой почтенный возраст, лестницы слегка кренились набок, и, впервые поднимаясь по ступенькам, Фрэнки почти ждала, что все здание вот-вот осядет, опрокинется в воду. Она

вдруг припомнила, что читала где-то, будто и сам город потихоньку тонет, дюйм за дюймом. В тот первый день, войдя в падающий дворец и оглядев двор, она содрогнулась – и как только Джек уговорила ее остановиться среди этих развалин, сохранивших лишь память о былой роскоши?

Даже название палаццо не сулило ничего хорошего.

– Как называется? – переспросила Джек, замаявшись.

– Да, вроде такие дворцы, как правило, называют в честь знатных семейств, которые ими владели, ну или что-то в этом духе. – Фрэнки читала однажды о «золотых семействах» – венецианских нобилях, чьи фамилии заносили в «Золотую книгу», увековечивая таким образом их титулы и привилегии. Почти все они, как и многое в Венеции, давно канули в прошлое. – Джек? – окликнула она подругу, не дождавшись ответа.

– Прости, – наконец очнулась та, – палаццо назвали в честь семьи, которая его построила. – Голос ее звучал неуверенно, словно она сомневалась, стоит ли продолжать. – Правда, сейчас его уже никто так не называет.

– Да? И как же его называют теперь? – спросила Фрэнки, предчувствуя подвох.

– Там глупая история... и вообще сомневаюсь, что это правда. Если честно, я всегда думала, да и сейчас подозреваю, что папа ее сам сочинил, чтобы мы не играли у канала. Сама знаешь, мы в детстве были жуткие сорванцы, – сказала она, имея в виду себя и двух старших братьев, погибших на войне. – Для этого ведь сказки и сочиняют? Чтобы детей предостеречь.

– И от чего предостерегали вас? – поинтересовалась Фрэнки.

Джек на мгновение замешкалась.

– От воды. Чтобы не утонули. Папа утверждал, что его друзья-венецианцы называют палаццо не то Ca' de la Neg?, не то Ca'dea neg?. Я сама толком не знаю, в чем разница. У них тут на острове свой диалект. Все по-другому. – Джек вздохнула и с явной неохотой продолжила: – Говорили, будто здесь утонула жена бывшего хозяина палаццо. Он сам нашел ее в воде, у ворот. И якобы никто

не знает, был это несчастный случай или что похуже.

Фрэнки невольно поежилась.

– Так что с названием? Которое твой отец слышал от друзей. Как оно переводится-то?

Джек долго молчала, прежде чем ответить:

– «Дворец утопленницы». – Фрэнки издала горестный стон, и Джек поспешно добавила: – Говорю тебе, все это ерунда. Ты же знаешь моего отца. Он у нас большой шутник – по его собственному мнению, во всяком случае. И вообще, уж тебя-то я меньше всего ожидала напугать привидениями.

Что-то в этой истории – неважно, была она правдой или вымыслом – задело Фрэнки. До сих пор, проходя мимо ворот, она избегала смотреть на ступеньки, ведущие в воду. Вместо этого она цеплялась глазами за старую гондолу, лежавшую рядом на земле, – представь себе, хозяева палаццо когда-то держали собственного гондольера, однажды сообщила ей Джек. Было очевидно, что эту гондолу, прикованную к стене цепью и густо оплетенную паутиной, не использовали много десятилетий. Фрэнки сильно сомневалась, что та еще пригодна для плавания.

Второй этаж палаццо, называемый «пиано нобиле», был, по заверениям Джек, самым важным во всем здании – сквозь его многочисленные окна венецианцы могли и на других посмотреть, и себя показать. Там располагался парадный зал для приемов и гостиная с массивными деревянными балками под высоченным потолком, а упомянутые уже окна были снаружи украшены резными готическими наличниками немыслимо тонкой работы, с таким количеством изящных каменных завитушек, какого Фрэнки в жизни не видела. Из окон открывался вид на канал, а при желании можно было выйти на узкий балкон, который, впрочем, казался скорее декоративным: и одному человеку негде развернуться, шаг вперед, шаг назад – вот и вся прогулка.

На этом же этаже помещались кухня и две спальни, одна из которых смотрела не на канал, а во двор, что было весьма кстати, учитывая страшную вонь, которая то и дело поднималась над водой и проникала в дом даже сквозь закрытые окна. На третьем этаже имелось еще несколько спален, поменьше и

поуютнее, а чердак над ними разделили на крохотные каморки, когда-то, вероятно, служившие комнатами для прислуги, – Фрэнки поднималась туда лишь однажды, в самый первый день. В одной из каморок она заметила неубранную постель и мельком задумалась, не здесь ли, когда в палаццо никого нет, ночует домработница Мария, вместо того чтобы возвращаться к себе, на какой-то из многочисленных венецианских островов.

Джек не говорила, как давно палаццо пустует, но, судя по всему, здесь много лет никто не жил. В первый день ее встретили залубеневшие от времени грязно-белые простыни, под которыми пряталась мебель, и такая тишина, что, казалось, сами комнаты затаив дыхание прислушиваются к звуку ее осторожных шагов. Кругом царило запустение, словно здесь и не ступала прежде нога человека. Фрэнки это, впрочем, нисколько не тревожило – даже наоборот, было что-то утешительное в этой пустоте, точно дворец теперь безраздельно принадлежал ей, был полностью в ее распоряжении. Убрав волосы под платок, натянув рубашку и свободные брюки, она принялась расчищать комнату за комнатой. Их требовалось не столько даже прибрать, сколько освежить, разогнать тени, затаившиеся по углам. Чтобы вернуть эти комнаты к жизни, решила она, придется как следует встряхнуть простыни.

Настроившись этим заняться, она призвала на помощь свои скромные познания в итальянском и замусоленный англо-итальянский словарь, который нашла в одной из спален, и попыталась было предложить Марии немного отдохнуть, предоставить уборку новой хозяйке. Однако та и слушать не желала. Вдова лет шестидесяти с лишним, Мария присматривала за палаццо вот уже почти два десятилетия. И, похоже, успела к нему привязаться – стоило Фрэнки заговорить о выходных, во взгляде ее мелькнуло нечто сродни ужасу. Вместо того чтобы согласиться, она взялась всеми возможными способами выражать молчаливый протест: без конца слонялась по коридорам, являлась рано утром и отправлялась домой лишь глубоким вечером. Фрэнки ни разу не слышала, как она приходит и уходит, но натыкалась на нее по всему дому: свернешь за угол, а она тут как тут, глаза сощурены, глядит сердито, точно застукала на месте преступления, точно это Фрэнки здесь лишняя. Мария возникала и исчезала так внезапно, что Фрэнки вполне готова была поверить, будто в палаццо существует сеть тайных ходов, о которых ей если и суждено узнать, то уж точно не от самой Марии.

Со временем она начала гадать, а что же, собственно, поделывает домработница, когда ее не видно, и в особенности – зачем заходит в спальню, в

которой Фрэнки обосновалась. У нее не было никаких доказательств, лишь возникало по временам, от случая к случаю, смутное ощущение. Ни с того ни с сего вдруг начинало казаться, будто в комнате стало чище, хотя мятый свитер все так же валялся на полу у кровати, а стол, как и прежде, был завален бумагами. Волоски на руках вставали дыбом, шестое чувство подсказывало – здесь кто-то был. В такие дни, встретив домработницу в коридоре, Фрэнки спрашивала:

– Мария, вы заходили в мою комнату?

И неизменно получала один и тот же ответ. Мария поворачивалась к ней – голова гордо поднята, глаза сверкают в полумраке – и сухо отзывалась:

– No, signora[10 - Нет, синьора (ит.).].

Телефон трещал не переставая.

Фрэнки на четвереньках ползала по полу гостиной на втором этаже, тщательно обыскивая каждый уголок, – именно из этой парадной комнаты, судя по всему, раздавались звонки.

– Да куда ж ты провалился, черт тебя дери? – с досадой воскликнула она, не обнаружив телефона ни под столом, ни под диваном. Готовая сдаться, она потянулась было взять пальто с кушетки – что поделать, придется сбежать и не возвращаться, пока этот кошмарный трезвон не прекратится, – как вдруг нащупала провод. Ориентируясь по нему, точно по линии на пиратской карте, Фрэнки вышла к чулану, где и отыскала свое сокровище за парой резиновых сапог.

– Ну наконец-то, – раздался знакомый голос. – Я уж думала, ты никогда не ответишь.

Прижав трубку к уху, Фрэнки невольно расплылась в улыбке – звонила Джек.

– Сама виновата. Я целую вечность искала ваш треклятый телефон. Как он у вас оказался в чулане со швабрами?

– Если я не ошибаюсь, Мария его терпеть не может. Видно, надеялась, что больше не придется им пользоваться. Впрочем, неважно. Мы уже несколько недель не говорили. Рассказывай, чем ты там занимаешься, в городе мостов?

За этим невинным вопросом Фрэнки почудился другой, незаданный.

– Ну, если хочешь знать, я предложила этой вашей Марии взять небольшой отпуск, а она отказалась. Это не женщина, а призрак, точно тебе говорю. Никогда не вижу, как она приходит и уходит, и никогда ее не слышу – берет и материализуется прямо перед носом. – Она на мгновение умолкла, наслаждаясь звонким смехом Джек. – А что касается твоего вопроса, пока что я дни напролет отмываю вашу так называемую квартиру. Хотя какая это квартира, тут в гостиной мой дом целиком поместится.

– Что ж, по крайней мере, ты заранее снарядилась для работы.

Джек вечно отпускала шуточки по поводу гардероба Фрэнки, или, как она любила говорить, ее «униформы», состоявшей из черных брюк-дудочек и безупречно выглаженных белых сорочек – ни тебе ярких цветов, ни причудливых узоров, которые обожала сама Джек. Фрэнки предпочитала простоту. Она всегда была стройной, без лишних изгибов, и высокой, выше большинства мальчиков в классе, что, впрочем, не мешало ей носить каблуки – вот уж не дождутся. Ее тело требовало простых линий, всякие рюши и воланы, от которых другие девочки с ума сходили, на ней смотрелись дешево и пошло.

Джек же, напротив, выглядела именно так, как полагается, по всеобщему убеждению, выглядеть женщине: точеная фигура, лицо сердечком, платье всегда по последней моде и сидит до того отменно, что тонкая талия кажется еще тоньше. Тем удивительнее было слышать ее голос, низкий, с хрипотцой, совершенно ей не подходящий; именно этот голос привлек внимание Фрэнки в день их знакомства – на очередном приеме, куда ее отправили за репортажем, в те далекие времена, когда она еще всерьез собиралась стать журналисткой.

– Про чудовищную погоду ты нарочно умолчала? – упрекнула она Джек, вглядываясь в мрачный пейзаж сквозь оконное стекло, уже в этот ранний час залитое дождем.

Та лишь рассмеялась.

– Я предупреждала, что осень – не лучшее время для поездки в Венецию.

– А худшее – так бы и сказала.

– Вот и нет, дорогая, худшее время – это середина лета, когда на Сан-Марко из-за туристов ступить негде. – Она умокла на мгновение и продолжила уже тише, серьезнее: – Сознаться, у тебя там все хорошо?

– А я тебе уже говорила, что выучила, как по-итальянски будет «история»? Сториа. Красиво, да? – сказала Фрэнки, пропустив вопрос мимо ушей. Но подруга не ответила, и пришлось добавить: – Я в порядке, Джек. Честное слово.

Прошелестел вдох, на мгновение установилась тишина.

– Я рада. Постараюсь приехать к выходным, не позже. Обещаю.

– Ловлю на слове.

В трубке послышался свист закипающего чайника, хлопнула, закрываясь, дверца шкафа.

– До тех пор ты, надо понимать, будешь коротать дни в одиночестве?

По правде говоря, однажды Фрэнки выбралась в ближайший бар пропустить стаканчик-другой, и, пока она сидела у стойки, потягивая виски и избегая встречаться глазами с другими посетителями, к ней подсел мужчина, тоже англичанин, представился, рассказал, что работает фотожурналистом. Поначалу она даже заинтересовалась, принялась расспрашивать, как все устроено, как получается, что снимки аж из самой Италии моментально попадают в газеты. Он объяснил, что их пересылают по телефонным линиям – сперва проявляют пленку, затем несут на почту, а там фотографии считывают специальным аппаратом и каким-то хитрым образом доставляют получателю. Фрэнки его рассказ заинтриговал, она начала было уточнять подробности, но тут он положил ладонь ей на колено, и пришлось срочно эвакуироваться в дамскую комнату, а оттуда на выход, слишком уж ее утомляла и злила необходимость объясняться: нет-нет, вы неправильно поняли, я здесь не за этим. Вовсе не желая делиться этой историей с Джек, она спросила:

– Соседи считаются?

– Соседи? – Джек, судя по голосу, удивилась. – Ты их видела?

– Нет, только слышала. Ну, слышала шаги, – уточнила Фрэнки. – В первый раз чуть не до смерти перепугалась. Подумала, кто-то идет за мной по пятам, не сразу поняла, что это наверху топают.

Она умолчала о том, какое огромное облегчение тогда испытала, о том, как стояла, прижав руку к груди, силясь уговорить сердце.

– Но на глаза они тебе не попадались? – уточнила Джек. – Странно.

– Может, они пожилые, – предположила Фрэнки.

– Может, и так. – Джек на мгновение умолкла. – В любом случае жалко, что некому составить тебе компанию. Мне было бы куда спокойнее знать, что ты не прячешься от людей в своей крепости.

– Вообще, – медленно начала Фрэнки, наматывая на палец телефонный провод, – я тут встретила одну девушку из Лондона.

– Серьезно? Я ее знаю?

– Вряд ли, это дочка моей знакомой. Так она, во всяком случае, представилась. – Фрэнки помолчала, раздумывая, что скажет Джек, если узнает, какое впечатление на самом деле произвела на нее встреча с Гилли. – Сама не уверена, с чего я это взяла, но мне почему-то показалось, что она врет.

– Врет, что знакома с тобой? Это еще зачем? – В голосе Джек лязгнула суровая нотка.

– Понятия не имею.

– Фрэнки, – негромко, но настойчиво сказала Джек. В одно это короткое слово она умудрилась вложить предостережение.

– Знаю, знаю, – отозвалась Фрэнки со вздохом. – Но все же было в ней что-то...

– Сказать, что я думаю? – перебила Джек. – Я думаю, ты так долго сидела взаперти, уютно завернувшись в свое одиночество, что теперь, стоит кому-то на него посягнуть, ты видишь проблемы на пустом месте.

Что ж, может, Джек и права. Фрэнки выбросила девчонку из головы.

– Ну, хватит обо мне. Расскажи лучше, чем это ты так занята в Лондоне?

Она постаралась, в меру своих способностей, изобразить шутливый тон, чтобы Джек ни в коем случае не догадалась, как сильно обижает ее своими бесконечными отлагательствами.

На другом конце провода установилась тишина, и Фрэнки почувствовала, как в душе поднимается непривычная тревога. Джек была из тех, кто готов в любой момент все бросить и рвануть на пикник или на вечеринку – да куда угодно, лишь бы поближе к веселью и подальше от рутины. Фрэнки частенько ее за это поддразнивала, мол, в жизни не встречала более ветреной особы, а та в ответ неизменно улыбалась и благодарила за комплимент. Так медлить с отъездом в Венецию было совсем на нее не похоже.

Когда Джек заговорила снова, в голосе ее не осталось и следа от прежней веселости.

– Я скоро приеду, – сказала она. И добавила, прежде чем повесить трубку: – Обещаю.

Прислонившись к окну, Фрэнки сделала долгий глоток из стакана и вдруг споткнулась взглядом о собственное отражение в стекле. Это лицо, бледное и остро очерченное темнотой, на мгновение показалось ей чужим, она даже обернулась проверить, не стоит ли кто за спиной. Комната была пуста, но странное ощущение – будто из-за стекла на нее смотрит кто-то другой, вовсе не ее собственное отражение, а отдельный, посторонний человек – не желало растворяться.

Нервы совсем расшатались, сказала она себе.

За последние пару недель Лондон словно бы отошел на второй план, отодвинулся, так что временами она вспоминала о нем с отчужденностью туристки, точно никогда и не была частью этого города, а он не был частью ее самой. Теперь же, после встречи с той девушкой, после разговора с Джек, она чувствовала, что уединение ее нарушено, что стена, которой она так старательно отгораживала себя от Лондона, рушится на глазах, и вот уже в комнату заползает лондонский смог. Она закрыла глаза, но лучше не стало. Наоборот, ее чувства будто обострились, ноздри наполнились дымом заводских труб, запахом жира из забегаловок с жареной картошкой, перед глазами поплыли городские огни, разлитые по влажному гляncу брусчатки под ногами, и щеки вдруг вспыхнули – это она зашла в тепло с улицы, толкнула дверь и оказалась в «Савое», под настырным взглядом незнакомой рыжеволосой женщины.

Сперва она старалась не обращать внимания на этот взгляд, смотрела в сторону, оттягивала горловину платья, чувствуя, как ткань царапает шею. Убеждала себя, что ей только кажется, пеняла на бессчетные бокалы шампанского, выпитые на приеме, на виски, заменившее ей и ужин, которым она пренебрегла, и обед, о котором забыла. Она разглядывала остальных гостей сквозь муть несносной светской болтовни и прогорклого сигаретного дыма, с каждой минутой укрепляясь в мысли, что надо было остаться дома, что не следовало поддаваться на уговоры редактора, который уже ловко сбежал, оставив ее одну, и приезжать на пышное торжество в честь некоего молодого литературного гения, которого ему удалось переманить из другого издательства. Учитывая махинации, на которые обычно приходится идти ради подобных сделок, иной на его месте предпочел бы отпраздновать без лишнего шума, но Гарольд – личность исключительная.

У Фрэнки до сих пор саднило в сердце, стоило вспомнить, с какой миной тот встретил ее на приеме. Едва редактор подошел к ее столику, стало ясно, что увидеть ее он совершенно не рассчитывал. Впрочем, трудно его винить. Обычно она такие мероприятия пропускала, да и на это, по правде сказать, не собиралась, сидела себе дома с бутылкой виски, сперва мешала его с содовой, потом бросила жеманиться и стала глотать неразбавленным – и вдруг оказалась на улице с приглашением в руке, поймала такси и опомниться не успела, как машина затормозила у дверей «Савоя».

Так что, пожалуй, несправедливо было бы упрекать Гарольда за некоторое удивление. Справедливо было бы упрекнуть его за досаду, вполне отчетливо

мелькнувшую на его лице при виде Фрэнки.

– Дорогая, ты уверена, что справишься? – спросил Гарольд, мимолетно клюнув Фрэнки в щеку и искоса проследив взглядом за ее рукой, когда она потянулась к подносу проходившего мимо официанта за очередным бокалом шампанского. Когда он коснулся узла своего серого шелкового галстука, Фрэнки едва не выпалила, мол, выглядишь нелепо, но вовремя прикусила язык, гадая, хватит ли у него духу спросить, который это по счету бокал, – впрочем, она и сама уже не помнила. – Просто... ты в последнее время казалась подавленной.

Подавленной. Она едва не расхохоталась. Это слово неспособно было описать и толики терзавших ее чувств, а «последнее время» тянулось вот уже несколько недель. С той самой злосчастной рецензии.

– Как продвигается новый роман? – спросил Гарольд. – Я-то думал, ты дома, погружена в работу.

Этот вопрос (или намек, бог его знает) Фрэнки оставила без ответа, не созналась, что до сих пор не написала ни единого слова. А ведь пыталась. Порой просиживала за столом по несколько часов кряду, ждала, готовая ухватиться за любую идею, но страницы оставались пустыми. Подобное случалось и прежде – силишься выдать из себя хоть строчку, а слова не идут, – но рано или поздно ей удавалось стряхнуть оцепенение, еще ни разу оно не сковывало ее так надолго. Теперь же казалось, что конца ему не будет, и от этой беспросветности у Фрэнки потели ладони, пересыхало во рту.

– Скоро пришлю фрагмент, – пообещала она, высматривая в толпе официанта с подносом сверкающих бокалов. Вскоре после этого она осталась одна – редактор помахал кому-то на другом конце зала и, извинившись, отошел, хотя прекрасно знал, как она ненавидит подобные сборища.

Надо было тогда и уехать.

Вместо этого она продолжила пить, опрокинула в себя остатки шампанского из бокала – четвертого, кажется, или, скорее, пятого, в желудке уже явно плескалась целая бутылка. Взгляд ее запрыгал по залу, останавливаясь то на одном госте, то на другом, и каждого она подозревала, как в последнее время подозревала всех подряд, в том, что он тоже прочел рецензию и теперь

обдумывает ее, потягивая шампанское, – вот о чем все, должно быть, так задушевно беседуют, склонив друг к другу головы, обмениваясь тихими, шелестящими фразами, пока она стоит у своего столика совсем одна, наблюдая со стороны то общество, из которого ее изгнали. В душе снова закипела ярость, ядовитые строки жгли изнутри.

В поток мыслей вдруг вклинилось постороннее вежливое покашливание, и она заметила, что уже не одна, что кто-то стоит рядом – незнакомый мужчина, молодой, одетый в костюм без единой складки и причесанный, по новой моде, набиравшей популярность среди молодежи, на косой пробор. Официант, решила тогда Фрэнки, и потянулась к бокалу шампанского, который тот держал в руке. Но, вместо того чтобы двинуться дальше, как и полагалось официанту, незнакомец шагнул ближе, наклонил к ней голову. Это должно было ее насторожить – и насторожило бы, в любой другой день.

– Это вы, – прошептал он.

Она помнила, как отшатнулась, помнила, что эта непрошенная близость возмутила ее.

– Видел вас в списке гостей, но не думал, что вы и впрямь придете. – Он поправил свой узкий галстук с весьма самодовольным, как показалось Фрэнки, видом и продолжил: – Я большой поклонник вашего первого романа.

Она открыла было рот, чтобы ответить, уязвить его ехидным замечанием, но тут заметила, что та рыжая женщина – явно крашеная, не бывает от природы таких ослепительных оттенков – снова уставилась на нее. Их взгляды встретились, рыжая повернулась к своей спутнице и расхохоталась. Фрэнки на мгновение замерла, гадая, над ней ли смеются. Разумеется, над ней – и смотрят обе на нее, бросают взгляды из-под перламутровых, глазурованных век, так пестро, безвкусно раскрашенных. Ей хотелось закричать на весь зал – пусть выкладывают, чего им надо; слова клокотали в горле, лицо горело. Все до единой поры ее кожи, казалось, одновременно сжались и расширились, на щеках выступил румянец – два пылающих пятна, неаккуратных, точно намалеванных детской рукой. Хватит, приказала она себе, хватит, а то...

Она отвернулась.

И лишь через несколько мгновений осознала, что стоявший с ней рядом мужчина все это время не умолкал. Впоследствии она не раз задавалась вопросом, что именно он тогда говорил, – быть может, если бы она не отвлеклась, если бы слушала его внимательнее, вечер закончился бы иначе.

– Ваша последняя книга...

– Стало быть, вы тоже читали? – перебила она.

– Книгу-то? – переспросил он. – Да, я...

– Да нет, – отмахнулась Фрэнки. – Рецензию.

Лицо у официанта сделалось озадаченное. Она отчетливо помнила его удивление: интересно, он вообще знал об этой рецензии до того, как она проболталась? Ответа Фрэнки дожидаться не стала.

– Читали. Не юлите. – Она ненадолго умолкла, чтобы глотнуть шампанского. – А вы знали, что у Эмили их потом дома нашли?

– Эмили?

– Бронте, – сердито пояснила Фрэнки, досадуя на глупого официанта, вечно терявшего нить разговора. – После ее смерти. Лежали в запертом ящике.

Повисла пауза, официант склонил голову набок, мягко перехватил ее руку, потянувшуюся к бокалу.

– Вас это так сильно задевает? – спросил он, глядя ей в глаза. – Что про вас пишут другие люди?

Уже тогда она удивилась этому жесту, но удивление тут же затерялось в хмельном тумане, осталось лишь раздражение – зачем он мешает ей пить, зачем прикасается к ней так интимно, слишком интимно.

– Разумеется, меня это задевает. «Структура романа неуклюжа и лишена логики». Вот что там написали.

– Я не думаю...

– И никто за меня не вступится, никто не попытается обелить мое имя.

Официант вновь нахмурился, но она не стала объяснять. Внимание ее уже ускользнуло. Та женщина на другом конце зала все еще пялилась, все еще смеялась. Запрокинув голову, растянув рот, безупречная линия которого чуть заметно кривилась в том месте, где размазалась красная помада. Фрэнки заметила этот изъян еще по пути к ее столику и так прилипла к нему глазами, что едва не потеряла равновесие и несколько раз вынуждена была ухватиться за чужие столы, чтобы не упасть, но все шагала вперед под аккомпанемент бьющегося стекла.

Женщина повернулась к ней, и в лице ее что-то переменялось, мелькнула тень страха – Фрэнки помнила, с каким злорадством заметила это, помнила, как по телу пробежала горячая дрожь.

Почувствовав, что в животе разгорается знакомый жар, она прислонилась лбом к оконному стеклу, ощутила его прохладное прикосновение. Прижалась сильнее – на стекле останутся пятна, да и пусть, – позволяя прохладе успокоить себя, вернуть в настоящее, укоренить здесь и сейчас. Только когда жар немного отступил, она посмела шевельнуться, но, мельком глянув на свое отражение, заметила, что на щеках еще пылает пунцовый румянец.

Она не помнила, как ударила ту женщину, в памяти осталась лишь боль от удара. Не помнила и вида крови, но следующим утром обнаружила пятно на белой перчатке. Эти перчатки она позже выбросила, мимоходом задумавшись, не считается ли это сокрытием вещественных доказательств. Решила, что ей плевать, и выбросила остальное: изумрудного цвета комплект из лифа и узкой прямой юбки в пол, который всегда любила, и черную вечернюю сумочку, доставшуюся ей от матери. Смотреть больше не могла на эти вещи. Она цепенела от ужаса, с безжалостной отчетливостью вспоминая, что натворила, какую сцену устроила, как кричала, бросалась обвинениями, размахивала кулаками – уверенная, будто не только рыжеволосая женщина, но и все без исключения гости читали рецензию, потешались, глумились над ней, – как изливала свой гнев, пока вокруг не установилась мертвая тишина, нарушаемая лишь хрустом битого стекла.

Она ошибалась – и не только насчет той женщины.

Позже выяснилось, что официант, которому она так откровенно, без утайки все выложила, на самом деле никакой не официант. Он оказался журналистом, хуже того – корреспондентом какой-то жалкой бульварной газетенки с претензией. Так эта история и попала в прессу. Одно только радовало – хотя бы фотографов рядом не оказалось. В качестве иллюстрации к статье напечатали старый снимок Фрэнки, неудачный и прежде ни разу не опубликованный, одному богу известно, где они его откопали, – лицо встревоженное, глаза запали, губы сжаты в тонкую линию. Это была первая ее официальная съемка, и тогда, перед объективом, в центре внимания, она чувствовала себя ужасно скованно. Теперь этот снимок лепили под сенсационными заголовками, и Фрэнки не сомневалась, что люди видят на нем сумасшедшую.

Она сунула руку в карман, тронула холодный металл. Прикосновение к нему как ничто другое помогало успокоиться, прийти в себя. После войны она с облегчением сдала свою форму дежурной по противовоздушной обороне (не скучать же по тесному мундиру и юбке, от которой вечно чешешься), но свисток оставила себе – узнав, что война закончилась, положила его в карман и с тех пор всюду носила с собой. В трудную минуту пальцы сами смыкались вокруг него, скользили по гладкой поверхности, прорезанной тонкой гравировкой – ПВО. Прежде это помогало ей пережить самые страшные минуты бомбардировок, когда вой сирен и рев самолетов над головой сливались в оглушительную какофонию, которой, казалось, не будет конца. Теперь, среди тишины, такой же невыносимой, как тот яростный грохот, Фрэнки по привычке тянулась к крохотному кусочку металла, к шершавому контуру знакомых букв.

Подобная выходка не могла пройти без последствий. Турне в поддержку книги отменили. Запланированные интервью перенесли. Фрэнки вовсе не была охотницей до интервью и разъездов, наоборот, при мысли о них неизменно содрогалась, но все же понимала, что это необходимая часть ее работы и отмены не сулят ничего хорошего.

– Это только на время, – успокаивал ее Гарольд.

Когда-то она могла поручиться, что редактор не станет ей лгать, но теперь уже ни в чем не была уверена.

Фрэнки отвернулась от жуткого отражения в оконном стекле. Она не узнавала своего лица, искаженного темнотой: вместо глаз два черных озера, вместо рта клякса цвета крови. Горячее возбуждение, которое она испытала тем вечером и не забыла до сих пор, уступило место чему-то ледяному, колющему; холод разлился по венам, сковал тело. Она дернула на себя штору, отгораживаясь от лица за стеклом. Затем развернулась, залпом осушила стакан и отправилась в спальню.

Глава 3

Мало-помалу Фрэнки удалось поймать ритм города. Окна она теперь открывала и закрывала в строго определенные часы, чтобы не пускать в дом зловоние, клубившееся над каналом. Она заметила, что запах усиливается во время отлива, когда водоросли показываются из-под воды, и еще раз во время прилива, когда каналы выходят из берегов, сперва выплескиваясь на Сан-Марко, а потом расползаясь и по всему городу. Воздух в эти часы пропитывался серными испарениями, почуяв которые Фрэнки с отвращением отступала от воды, задерживала дыхание и спешила прочь.

Именно по этой причине она выбрала для себя одну из скромных спален на третьем этаже. Обстановка там была самая незамысловатая, но имелся большой письменный стол, который она всю первую неделю перетаскивала туда-сюда, стараясь не поцарапать паркет. В конце концов, отчаявшись выбрать наилучшее расположение, она придвинула его к одной из голых стен, а не к окну, чтобы поменьше отвлекаться на звуки снаружи. На стол Фрэнки водрузила внушительных размеров пепельницу и отыскавший на первом этаже кусок муранского стекла янтарного цвета в качестве пресс-папье.

Занимаясь этими перестановками, она обнаружила, что прямо над кроватью из стены торчит переговорная трубка, формой своей напоминающая уменьшенную копию рупора от старого граммофона. Прижавшись ухом к прохладному металлу, Фрэнки уловила где-то в его недрах глухие стоны, походившие, как тут же пришло ей в голову, на свист ветра, который слышишь, прислонив к уху морскую раковину. Ей завладело любопытство, и остаток дня она провела, разыскивая другой конец этой трубки; такой же рупор нашелся в пиано нобиле, еще один – во внутреннем дворе. Предшественники телефонов.

Наконец, устав от хлопот (которые она отказывалась считать отговорками), Фрэнки уселась за стол и принялась писать. Поначалу занятие казалось непривычным, рука замирала над листом бумаги, спотыкалась на середине фразы – Фрэнки искала лучших слов, лучших оборотов, пока не заставила себя отбросить предрассудки, пока не позволила стене, которой окружила себя в Лондоне, потихоньку раствориться в соленом венецианском воздухе. Поняв, что успехи не мимолетны, что у нее действительно получилось начать нечто новое, она стала бывать в библиотеке Фонда Кверини Стампалья, располагавшейся на Кампо Санта-Мария Формоза. Ее приводили в восторг читальные залы с паркетными полами, которые даже на легчайшие прикосновения отзывались таким скрипом, что все без исключения посетители испуганно вскидывали головы. Обычно в залах удавалось найти местечко за одним из пяти-шести больших столов. Но время от времени, когда Фрэнки хотелось отдохнуть от покашливаний одного завсегдатая или бесконечных сморканий другого, а то и вовсе спрятаться от венецианцев, имевших необъяснимую привычку садиться вплотную к ней, даже когда за столом было полно свободных мест, она занимала одно из кожаных кресел, стоявших в углу каждого зала, и писала, неловко приспособив бумагу на коленях. Порой работа спорилась, но в иные дни слова не шли, и она просто сидела, разглядывая роскошные потолки, лепнина и роспись которых восхищали ее, пусть она и не умела распознать ни стиля, ни художника.

Вечерами, когда силы покидали ее, когда поток слов иссякал, а перед глазами плыло от многочасовых скитаний в лабиринтах разума, она отправлялась в бакаро в двух шагах от библиотеки, возле церкви Санта-Мария Формоза. Она неизменно усаживалась с бокалом вина на улице, несмотря на холод, несмотря на сыпавшие то и дело мелкие дожди. Больше всего ей нравилось одно местечко сбоку от входа, хоть оно и располагалось у самого канала и, хуже того, возле причала для гондол, так что время от времени до нее долетало зловоние, мешавшееся с густым итальянским акцентом зазывалы: гондола, гондола, кому гондолу. Зато отсюда открывался прекрасный вид на церковь и ее посетителей, набожных католиков из местных да любопытствующих туристов, и вдобавок к тому на один из забавных рельефов, охранявших вход на колокольню, – каменная криворотая морда глядела на Фрэнки, высунув язык, одновременно смешная и жутковатая. Как-то она поймала себя на мысли, что эту морду будто бы намалевал ребенок. Частенько, прикончив второй бокал вина, Фрэнки улыбалась морде, едва ли не смеялась ей в ответ, а однажды, когда никого не было рядом, даже показала язык, после чего немедленно решила, что, пожалуй, перебрала вина и одиночества.

Дома она доставала страницы, написанные днем, внимательно, пытливо перечитывала текст, пытаясь вообразить себя не автором, а читателем, и в конце концов с удивлением обнаруживала, что вполне довольна своей работой.

Когда зазвонил телефон, Фрэнки вздрогнула. Взглянув в окно, она заключила, что еще утро, хоть и не смогла угадать, насколько позднее. Проснувшись спозаранку, она уже не сомкнула глаз и потому последние несколько часов провела за столом, работая над книгой. Она до того погрузилась в собственные мысли, что лишь теперь заметила, насколько выстыла комната, – хорошо же она засиделась, если даже угли, которые Мария завела обыкновенно приносить в медном горшке и ставить на ночь ей под кровать, успели превратиться в золу. Она потянулась за свитером, висевшим на изножье кровати. По правде говоря, вечный холод, царивший на третьем этаже, куда почти не добиралось тепло от камина, в последнее время ей даже нравился. Он словно бы бодрил, подстегивал мысли, вынуждал браться за ручку, будто до этого лишь домашний уют мешал отыскать вдохновение. Хотелось надеяться, что так оно и было.

Поднявшись из-за стола, Фрэнки вышла в коридор и спустилась по винтовой железной лестнице в гостиную. Она едва успела сказать «алло», прежде чем динамик разразился сердитой скороговоркой.

– Могла бы рассказать, что к тебе на край света телефон проведен, а не ждать, пока я сам обо всем узнаю от твоей подруги, – тараторил мужской голос. – Кто вообще в такое время ездит в Венецию? Не понимаю я тебя.

Фрэнки улыбнулась.

– И тебе не хворать, Гарольд.

– Я надеюсь, – отозвался редактор, – что ты наслаждаешься жизнью в своем необъятном палаццо. Судя по рассказам, ты роскошно устроилась. – Он на мгновение умолк. – Про книгу и спрашивать боюсь.

– Какую еще книгу, Гарольд?

Перед глазами так и вставал его образ – наверняка сидит, обхватив руками голову (именно эту позу Гарольд неизменно принимал в минуты отчаяния), а между пальцев дымится зажженная сигарета. Фрэнки отчего-то испытала

смутное удовольствие, вспомнив, как часто доставляла ему неприятности. Гарольд был невысок и лыс и носил очки с толстенькими стеклами, из-за которых казалось, что он без остановки моргает, но не стоило делать выводы о его профессиональных достоинствах по неприметной внешности. Среди коллег он слылся человеком предприимчивым, если не беспощадным. Фрэнки давно перестала вести счет ссорам, столько их было за годы, но после каждой все сильнее к нему привязывалась. Привыкла воспринимать Гарольда не как редактора, а как брата. И, хотя о жизни в больших семьях она знала лишь понаслышке, ей представлялось, что любой старшей сестре время от времени хочется придушить надоедливую братца не меньше, чем ей порой хотелось придушить Гарольда.

– Хоть какую-нибудь, Фрэнки.

В ответ она промолчала. С ее приезда в Венецию прошло всего несколько недель, к тому же они заранее договорились, что ей нужно взять паузу, отдохнуть, восстановиться – оставить этот год позади.

– Когда тебя можно навестить? – спросил он, решив сменить стратегию.

– Зависит от того, – ответила Фрэнки, – с какой целью.

– С целью проведать, дорогая. Убедиться, что у тебя все хорошо.

– У меня все хорошо. Это я тебе могу сказать и по телефону, совершенно необязательно прыгать в самолет и тащиться на другой конец света. – Она сощурилась. – Что тебе на самом деле нужно?

На том конце установилась тишина, и Фрэнки на мгновение заподозрила, что Гарольд повесил трубку, этим не раз заканчивались их особенно бурные разговоры, но тут послышался вздох досады, а за ним последовали слова:

– Было бы здорово обсудить книгу. – Он ненадолго замешкался. – Ты нам должна еще одну рукопись, моя дорогая.

Да, еще одна рукопись, а потом... Впрочем, про «потом» она не хотела даже заикаться, боясь услышать в ответ то, о чем и так давно догадывалась.

– Я тебе все покажу, когда будет что показывать, Гарольд. Когда допишу. Когда книга будет готова.

Он снова тяжело вздохнул.

– Фрэнки, времена Эмили Дикинсон прошли.

– И что ты этим хочешь сказать?

– Что нельзя запереться на чердаке и бесконечно высиживать свои сочинения, а потом вылезать оттуда с готовой книгой. Позволь мне помочь.

Но Фрэнки не хотела его помощи, убеждала себя, что такая помощь ей не нужна – в прошлый раз вышло боком. Она аккуратно внесла в текст все изменения и улучшения, которые он предложил, и даже, на свою голову, использовала его идею для концовки, о чем Гарольд никогда не уставал напоминать. И поначалу Фрэнки была ему благодарна, она даже взбодрилась от совместной работы над книгой. Но на первом же мероприятии по случаю публикации Гарольд принялся с самодовольной ухмылочкой спрашивать всех подряд, как им понравилась концовка. А когда собеседник заверял обоих, что в жизни не видал финала элегантнее, что это изюминка всей книги (так писали в каждой рецензии, и гости, в сущности, лишь повторяли чужие мнения), Гарольд всем телом подавался вперед, подмигивал и доверительно сообщал:

– Это я придумал.

Гостям от этого признания делалось не по себе, или, быть может, они просто не были к такому готовы, слишком уж сильно было идеализированное представление о том, как пишутся книги; глаза их удивленно округлялись, и одно неловкое мгновение они в растерянности переводили взгляд с Фрэнки на Гарольда, с писателя на редактора, пытаясь угадать, чья заслуга больше. Не позволяя паузе слишком затянуться, Гарольд со смехом клал руку на плечо Фрэнки и заверял собеседника, что книга – исключительно ее детище. Ей всегда казалось, что голос его в эти моменты звучал чуть громче обычного, густел и слова липли к зубам, точно тягучая ириска.

– Ты хоть что-нибудь успела написать?

– Нет, – солгала она.

Гарольд недовольно буркнул, и Фрэнки, не раз слыхавшая это бурчание прежде, поняла, что наступление закончилось, по крайней мере, пока – надолго он белый флаг никогда не поднимал.

– Раз уж ты не пишешь, надеюсь, хотя бы заботишься о себе.

– Забочусь, – с улыбкой ответила Фрэнки. – Честное слово.

– А что Джек? – спросил он язвительным тоном, не заметить которого было невозможно. – У нее как дела?

– Ради меня лицемерить необязательно, – сказала Фрэнки, прекрасно зная, что эти двое терпеть друг друга не могут. Ей всегда думалось, что они попросту соревнуются за главное место в ее жизни; впрочем, когда Джек незамедлительно явилась на ее зов, притащив на хвосте Гарольда, казалось, что общая беда даже их способна принудить к перемирию. Судя по всему, перемирие было временным.

– Мне, знаешь ли, психоаналитик говорит, что надо быть добрее.

Фрэнки с трудом сдержала улыбку, представив себе Гарольда беспомощно распростертым на кушетке.

– Слушай, Гарольд, мне надо в магазин. – Это была почти правда. Она глянула в окно: погода стояла пасмурная, облака висели низко, но дождь вроде бы не собирался – и не соберется еще час-другой, если повезет. – Ты мне звони.

Они оба рассмеялись этим словам, прекрасно понимая, что звонить он будет – хочет того Фрэнки или нет. Едва она положила трубку, как телефон затрещал снова.

– Гарольд? – устало, но с улыбкой ответила она.

На другом конце повисла пауза.

– Алло? – раздался слегка приглушенный голос. – Фрэнсис?

– Да, – ответила она, пытаясь угадать, кто звонит.

– Ой, слава богу! Я уж боялась, что не туда попала. – В динамике что-то захрустело, и Фрэнки отодвинула от себя трубку. А когда снова приложила ее к уху, голос сообщил: – Это Гилли.

Она не сразу узнала имя, но тут в памяти всплыла девушка с рынка, неотвязная тревога после встречи с ней, и Фрэнки сама себе удивилась – как могла забыть?

– Я насчет кофе звоню.

– Кофе? – переспросила Фрэнки и в это же мгновение спохватилась: а ведь верно, я обещала, что найду время встретиться. Она мельком задумалась, не получится ли отвертеться, сослаться на дела, о которых вспомнила только сейчас. Но отчего-то решила, что девица непременно ее раскусит, и к тому же любые отговорки лишь отсрочат неизбежное.

– Да, я думала пойти во «Флориан», это на Сан-Марко. Знаете?

Фрэнки не знала, но честно сказать об этом не рискнула, не желая затягивать разговор. Потому, когда Гилли спросила, устроит ли ее «Флориан», кивнула, записала название кафе и как туда добраться – ни единого названия улицы, одни «налево», «направо» и туманные указания вроде «сверните у аптеки, ну этой, которая с большими витринами» – и обещалась быть там завтра в одиннадцать утра.

– До завтра, – попрощалась Гилли, и раздались короткие гудки.

Только повесив трубку, Фрэнки задумалась, откуда та раздобыла номер телефона, о существовании которого ей самой стало известно лишь через несколько дней после их встречи.

Наутро Фрэнки проснулась поздно и вынуждена была отказаться от ежеутренней ванны, чтобы успеть в кафе вовремя. Удрученная этим обстоятельством и оттого еще менее, чем прежде, настроенная на встречу, она

прибыла к «Флориану» в самом скверном расположении духа.

Дорога заняла в два раза больше времени, чем Фрэнки рассчитывала, – следуя указаниям Гилли, она несколько раз вполне буквально упиралась в стену. В конце концов пришлось, мучительно изъясняясь на чудовищном, колченогом итальянском, спросить у прохожего, и лишь после долгих минут судорожной пантомимы ей удалось отыскать нужную улицу. Она несколько смягчилась, когда, толкнув запотевшую стеклянную дверь и протиснувшись сквозь плотную, разогретую толпу, обнаружила, что, по крайней мере, явилась первой, а значит, есть время выбрать столик и пригладить растрепавшиеся волосы. Впрочем, едва обретенное благодущие таяло с каждой минутой. К четверти двенадцатого официант успел подойти к ней три раза и трижды же был отослан прочь, к обоюдному неудовольствию и досаде. Еще через четверть часа она сдалась и сделала заказ – капучино приготовили недостаточно крепким, а принесли чуть теплым. Подождав еще пятнадцать минут, она попросила счет, не желая тратить больше ни минуты своего времени на особу, которая, очевидно, не слыхала о хороших манерах.

Увидев сумму, Фрэнки побледнела. Еще никогда в жизни ей не доводилось платить столь возмутительную цену за самую обыкновенную чашку кофе. Она слышала, что в венецианских ресторанах порой требуют плату за столик, за возможность сидеть в зале и слушать их знаменитую живую музыку, хотя сегодня никаких музыкантов поблизости не наблюдалось. Но сама Фрэнки предпочитала неприметные места, в которых не водилось ни туристов, ни подстерегавших их ловушек, и потому столкнулась с этим впервые. Она мысленно обругала глупую девчонку за то, что выбрала такое претенциозное кафе, а себя – за то, что согласилась прийти. Надо было слушать интуицию, не пришлось бы попусту тратить утро и бросать на ветер деньги, которым нашлось бы применение получше. Если эта девица снова позвонит, разговор с ней будет короткий.

Погода вконец испортилась, похолодало, дождь усилился, и по пути домой Фрэнки злилась пуще прежнего. Перешагнув лужу, она в очередной раз поразилась такой бесцеремонности – что за нахальство, вытащить из дому чужого человека, вовсе не горевшего желанием приходить, а самой не явиться.

Кому расскажешь – не поверят.

Обходя собор, она вдруг почувствовала, как встают дыбом волосы на затылке. Фрэнки замерла, бросила взгляд через плечо. По площади Сан-Марко, как и всегда, бродили толпы народа. Она скользнула глазами по лицам – тем, что не скрывались под зонтами. Но никого не увидела или, вернее сказать, никого не узнала. Все в порядке, просто пальто промокло, шею тронуло холодом. Глупо быть такой мнительной, не школьница уже.

Вернувшись домой, она стащила с себя мокрую одежду и забралась в ванну, окунулась в обжигающе-горячую воду, с удовольствием наблюдая, как розовеет в тепле кожа. Она глубоко дышала, стараясь выбросить из головы подозрения, до сих пор изводившие ее, и предаться вместо этого мыслям о бокале вина, который можно будет налить себе после ванны, а потом запить чем покрепче, просто чтобы разогнать холод.

Уже через час она позабыла о Гилли.

Глава 4

Выйдя из квартиры, Фрэнки закрыла за собой дверь.

Еще одна дверь звонко хлопнула где-то в палаццо, звук разлетелся по всему двору. Она на мгновение замерла, надеясь наконец увидеть кого-то из соседей. Но прошла минута, за ней другая, а на вершине лестницы, ведущей на вторую половину, так никто и не появился. Разочарованная, Фрэнки стала спускаться; стук ее каблучков гулко разносился по безмолвному палаццо.

Прошлым вечером звонила Джек – обсудить таинственных соседей.

– Слушай, – раздался в трубке ее голос, да так отчетливо, будто она сидела здесь же, в гостиной, – я тут говорила с Марией.

– И? Что стряслось? – спросила Фрэнки, уловив в ее интонации нотку беспокойства. Она украдкой огляделась по сторонам, пытаясь угадать, где сейчас шныряет домработница. Ей вдруг пришло в голову, что Джек, быть может, попросила Марию приглядывать за ней, следить за каждым шагом, а то и

за расположением духа. Не потому ли та отказалась взять отпуск? Джек замешкалась, и Фрэнки немедленно заподозрила, что так оно и было.

– Она говорит, во второй квартире никто не живет.

Фрэнки резко рассмеялась.

– Не мели чепухи. Я сама слышала. И, между прочим, в прошлый раз тебе об этом рассказывала.

– Я помню, – вздохнула Джек. – Не знаю, что ты там слышала, но точно тебе говорю, это не соседи. Нет никаких соседей. Может, это крыса была? Не хочу тебя пугать, но они там гигантские. У венецианцев даже специальное слово есть. Пантегана. Так называют именно местных крыс. В любом случае, Мария сказала, что зимой обе квартиры обычно пустуют.

Фрэнки решила не спорить.

– Как скажешь, – ответила она. – Но я останусь при своем мнении, что бы твоя Мария ни утверждала. В соседней квартире кто-то живет, если, конечно, это не крысы свет зажигают.

Теперь, открывая дверь на улицу, она невольно обернулась. Замерла на секунду и вдруг уловила какое-то смутное движение в соседском холле. Фрэнки отошла от двери. Она не взялась бы утверждать наверняка, но было очень похоже, что там кто-то есть, кто-то наблюдает за ней. Всего лишь неясный силуэт за окном, но, подумалось ей, определенно человеческий.

Фрэнки была не из тех, кто верит в призраков, и не из тех, кто пугается теней и ночных шорохов. Одного этого хватило, чтобы она немедленно пересекла двор и с мрачной решимостью вдавила кнопку звонка.

– Есть кто дома?

Ответа не последовало. Фрэнки еще немного подождала – если она угадала и там действительно живут старики, то им потребуется пара минут, чтобы подойти к домофону и ответить. Она снова взглянула в окна холла, ладонью

прикрывая глаза от солнца. Никого.

Но еще недавно там кто-то был. Что бы ни говорила Джек, в чем бы ни убедила ее Мария, Фрэнки нисколько не сомневалась, что видела в окне человека. Странно только, что он прячется, особенно теперь, когда его очевидно заметили. Наверное, просто ценит уединение, предположила она, признавая, что в Лондоне и сама не стала бы открывать дверь посторонним. Пришлось напомнить себе, что здесь она посторонняя, всего лишь иностранка, на время остановившаяся в палаццо, а хозяева этой квартиры, быть может, коренные венецианцы, которые живут здесь несколько десятилетий. Неудивительно, что они тайком приглядывают за новой соседкой.

Она повернулась уходить – пожалуй, и к лучшему, что те не ищут знакомства. В Лондоне Фрэнки сроду не знакомилась с соседями, до сих пор никого из них не знала, хотя почти всю сознательную жизнь провела в одной и той же квартире. С чего бы вести себя иначе в Венеции, это на нее совсем не похоже.

Напоследок бросив взгляд через плечо, она вышла на улицу.

Этим утром Фрэнки решила отправиться во Дворец дожей.

Уверенно прошагав по необъятным залам и бесконечным коридорам, миновав вереницы монументальных полотен, преодолев угрюмые казематы, чьи стены еще хранили послания заключенных, встретивших здесь свой конец, она добралась до места во дворце, которое любила больше всего. Стоя на Мосту Вздохов, представляя себе узников, бредущих по этому коридору навстречу смерти, она вдруг вспомнила стихи Байрона, которые учила еще в школе. Она никогда особенно не любила Байрона, считала, что в нем всего чересчур, с избытком, как и у остальных романтиков, которые только и знали, что предаваться мрачным раздумьям самого туманного и загадочного толка. Вот Шелли, подумала она, другое дело. Большинство читателей превозносили «Франкенштейна», которому одна только история создания (не всякий роман родится из рассказа, звучавшего некогда у камина на вилле Диодати[11 - Особняк в Швейцарии, где летом 1816 года останавливались лорд Байрон и Джон Полидори, а также часто бывали Мэри и Перси Шелли, снимавшие дом неподалеку. Собираясь на вилле, они развлекали друг друга историями собственного сочинения, две из которых, «Франкенштейн» Шелли и «Вампир» Полидори, впоследствии стали знаковыми произведениями готической литературы.]) придавала некий дешевый лоск, но Фрэнки всегда привлекали

менее известные ее произведения, в том числе один апокалиптический роман[12 - Речь о романе «Последний человек» (The Last Man, 1826), действие которого происходит в мире будущего, объятom эпидемией чумы.], читая который она не раз пыталась представить себе, каково было бы оказаться последней женщиной на земле.

Она вытянула руки, коснулась стен по обе стороны и прошептала: «В Венеции на Ponte dei Sospiri, где супротив дворца стоит тюрьма»[13 - «Паломничество Чайлд-Гарольда», песнь четвертая. Здесь и далее цитируется в переводе В. Левика. Ponte dei Sospiri – Мост Вздохов (ит.).]. Она попыталась припомнить продолжение, но слова ускользали. В поэме вроде бы говорилось, что все преходяще, что город изменился и величие его с годами оскудело, а красота померкла. Но все же – это Фрэнки помнила совершенно отчетливо – образы той Венеции живы, если не в реальности, то в искусстве, в незыблемом мире слов. Глядя вниз, на водную гладь, Фрэнки искала в памяти нужную строчку, ведь учила когда-то. «Иным завоевать она сумела грядущие века и племена». Вот оно. Без своих дождей Венеция никогда не будет прежней, ее блеск и роскошь остались в далеком прошлом, но все же навсегда запечатлелись в словах, написанных о ней, в бессмертных строках Шекспира, Отуэя и множества других творцов, которых она веками притягивала и очаровывала. Венеция прошлого никогда не исчезнет без следа, и пусть туристы сколько угодно бродят по улицам, ища ее и не находя, – всегда останутся те, кто знает, где искать, кто помнит, что она увековечена в словах, которым не страшны ни время, ни наводнения.

Возможно, за это Фрэнки и полюбила город – за его непознаваемость. За то, что люди, привозившие с собой идеализированный образ Венеции, быстро разочаровывались, увидев, как мало их ожидания совпадают с реальностью. Ей никогда не нравились места, которые чересчур легко постичь. А чтобы понять Венецию, понять венецианцев, требовались усилия. Это было заметно уже по самой географии города. Мимо входа в пастичерию[14 - Кондитерская (ит.).], бакаро или остерию[15 - Небольшой ресторан, таверна (ит.).] запросто можно было пройти, не заметив, настолько угрюмо и невзрачно выглядели многие из них, будто нарочно прятались от посетителей. Даже двери здесь делали меньше обычного: две створки вставляли в проем, которого едва хватало для одной, и открывали всегда только наполовину. Эта особенность многих туристов приводила в замешательство – озадаченно хмурясь, они с трудом протискивались сквозь узкие двери, а некоторые и вовсе не решались войти, точно самая необходимость протискиваться их убеждала, что внутри им не рады.

Что уж говорить об улицах. Фрэнки нередко задумывалась, сколько времени потребуется, чтобы запомнить их расположение, выучить наизусть бесконечные вереницы мостов и калле[16 - В Венеции – улица.], которые, изгибаясь и сужаясь, со временем либо впадают в кампо, либо заводят в тупик, и гадала, случается ли местным жителям так же блуждать в их хитросплетениях и есть ли в городе места, которые остаются загадкой даже для самих венецианцев. Совсем жутко становилось ночью, когда опустевшие улицы заливала густая, беспросветная тьма. Едва садилось солнце, как дневная суeta в одночасье замирала. Первые несколько ночей Фрэнки прислушивалась, не донесется ли снаружи кипучий разговор завсегдатаев бакаро, спешащих по домам, не заплачет ли в соседнем палаццо ребенок, не подаст ли голос вапоретто, но напрасно, тишины ничто не нарушало. Ночь в Венеции была укрыта непроницаемым безмолвием, способным, думалось Фрэнки, лишить иную впечатлительную натуру душевного равновесия.

Когда она вышла из дворца, туман, с самого утра грозивший окутать остров, уже неумолимо надвигался, и Фрэнки, шагая по улицам, потихоньку тонула в мутной дымке. Прежде она нигде не видела настолько густого тумана. Даже в Лондоне. Здесь он накатывал волнами, клубился на уровне лодыжек, и Фрэнки чувствовала, что с каждой минутой погружается все глубже. Ничто не могло устоять перед венецианским туманом, все рано или поздно растворялось, и в этой мягкой, обволакивающей пелене Фрэнки находила странный покой, будто на плечи набросили мантию-невидимку. Туман застил глаза, приглушал звуки. В воздухе со всех сторон парили неясные, оторванные от земли тени. Сбивали с толку. Казалось, будто плывешь в открытом море, без цели и направления, но, вместо того чтобы испугаться, Фрэнки ощущала непривычное умиротворение, начинала верить, что и впрямь сможет забыть о прошлом, перевернуть страницу, как без конца твердили ей все подряд.

В Лондоне казалось, что забыть невозможно, но Лондон слишком отчетлив, слишком неуступчив. Стоит опустить голову, и упрешься взглядом в непреклонную твердыню мостовой.

Здесь все нечетко, все туманно.

Поэтому она любила гулять в такие дни, порой часами бродила по городу, не зная толком, куда идет, идет ли куда-то, счастливая одной только возможностью плыть в этой влажной дымке, нырять в нее с головой, оставляя позади свои горести и тревоги.

В Венеции можно стать другим человеком. Стать той, думалось Фрэнки, кем она была давным-давно. Вроде бы где-то писали, что венецианский туман смыкает реальность, и, хотя речь, несомненно, шла о том, что видно глазу, Фрэнки чувствовала, что это высказывание справедливо во всех смыслах.

В Венеции ее разум наконец вырвался из тупика, из трясины отчаяния.

В Венеции ее прошлое таяло, тоненьким ручейком утекало прочь.

Домой она добиралась на трагетто[17 - Вид общественного транспорта в Венеции – многоместные гондолы, которые перевозят пассажиров с одного берега Гранд-канала на другой.], стоя вместе с другими пассажирами, сплошь местные, в гондоле, неторопливо ползущей от одного берега к другому. Когда ей впервые довелось переправляться стоя, ее ногам это вовсе не понравилось, по спине от напряжения катился пот, а мышцы бедер протестующе ныли, с трудом удерживая равновесие, не позволяя ей вывалиться за борт, в бурую, мутную воду. Вторая поездка далась легче, а начиная с третьей она каждый раз не без самодовольства отмечала, что стоит без всяких усилий, точно настоящая венецианка, и не только налегке, но даже навьюченная покупками с рынка.

Но сегодня на ее плечах лежал совсем иной груз. Она сошла на одну остановку раньше, чем собиралась, – не терпелось остаться одной, подальше от чужих боков и локтей. Казалось, тишина, которой она успела окружить себя, дала трещину, грозила вот-вот рассыпаться. Сперва эта странная девица, теперь еще Джек с Гарольдом. Скоро от ее уединения останется лишь груда никчемных осколков.

Не успев ступить и нескольких шагов, она наткнулась на толпу, собравшуюся на берегу канала, поперек дороги. Сперва Фрэнки не поняла, что стряслось, но заметила, что все взгляды прикованы к темной воде. Но затем кто-то в толпе подвинулся, открыв ей вид на набережную и канал. Фрэнки невольно ахнула. Двое мужчин в гражданской одежде – кажется, не карабинеры – вытаскивали из воды тело. Бездыханное тело, судя по мрачной тишине, что царила среди наблюдавших.

Фрэнки с удивлением поняла, что тело принадлежало женщине. Чулки ее были порваны, не хватало одной туфли, насквозь промокшее платье потемнело, с него ручьями лилась вода. Жутко и странно было оказаться с ней рядом, стоять так

близко, видеть постороннего человека в столь сокровенную минуту. Совсем молодая девушка. Слишком молодая, чтобы окончить свои дни в канале, – Фрэнки не верилось, что это могло произойти случайно. В груди у нее вспыхнула ярость. Ужасная трагедия, едва не провозгласила она, едва не отвернулась, не зашагала прочь, не заботясь о том, что кого-то, быть может, оскорбит ее поспешность. Едва не ушла – и все же осталась. Невысказанные слова пронеслись в голове, злой горечью осели на кончике языка да там и замерли, и она осознала, что сама им толком не верит.

В отчаянии она отвела взгляд, желая лишь одного – прикоснуться к живому человеку, почувствовать ответное прикосновение. Уединение, которое она оплакивала всего мгновение назад, больше не казалось благом, она уже и не понимала, о чем так сокрушалась. Возвращаясь в палаццо, она чувствовала, как переворачивается что-то внутри, как разворачивается в душе незнакомая, зияющая пустота.

Во дворе орудовала метлой Мария. Оказавшись у ворот, что смотрели на канал, Фрэнки невольно вспомнила рассказ Джек о предыдущих владельцах, о женщине, которая, возможно, утонула здесь, и поспешила пройти мимо.

И вдруг, когда она уже собиралась пожелать домработнице *buona notte*[18 - Спокойной ночи (ит.)], где-то на верхних этажах раздались шаги. Она повернулась к Марии, и ровно на одно мгновение их взгляды встретились. Было ясно, что ей не померещилось, Мария тоже слышала. Теперь уж не отвертится.

– Я ведь говорила, там кто-то есть, – заявила Фрэнки куда резче, чем следовало бы, слишком сильно на нее подействовала сцена на берегу канала. Указывая на соседскую половину палаццо, с которой доносились шаги, она добавила: – Сами ведь слышали, скажете, нет?

Но Мария остановила на ней пустой, лишенный выражения взгляд.

– Я ничего не слышу, синьора.

Она обогнула Фрэнки, подошла к двери, ведущей из двора на улицу, и молча закрыла ее.

Глава 5

На следующий день в дверь позвонили.

Когда по палаццо разнеслась пронзительная трель, Фрэнки, сидевшая за столом над листом бумаги, резко вскинула голову. Эхо так долго перекатывалось по комнатам, словно во всем доме не было ни единого предмета, способного поглощать звук, – ни мебели, ни ковров, ни бесчисленных декоративных безделушек. Она вдруг поняла, что еще ни разу не слышала здесь звонка в дверь и, вообще говоря, не знала никого, кто мог бы позвонить.

– Да? – неуверенно проговорила она в домофон.

– Фрэнсис, это я.

– Ясно, – отозвалась Фрэнки, не давая себе труда ее поправить. – Сейчас спущусь.

Можно было бы отослать гостью прочь, не так уж сложно сочинить отговорку. Но вчерашнее происшествие до сих пор преследовало Фрэнки, обдавая холодом, который никак не получалось прогнать, и она вдруг поняла, что прошлым вечером не лгала себе, что оставаться одной ей и впрямь больше не хотелось. Прежде она всегда находила в одиночестве покой и лишь в последний год начала замечать, насколько одинока. Если бы не подруга, если бы не редактор, дни напролет тянулись бы в звенящей пустоте – некому излить душу, некому и слова сказать, – и мысль об этом угнетала Фрэнки куда сильнее, чем она готова была признать.

Еще в Лондоне случались тяжелые периоды, когда она сидела дома совсем одна, бесконечно прокручивая в голове текст проклятой рецензии, и в голову лезли мрачные фантазии вроде тех, что, должно быть, толкнули ту несчастную девушку с моста в канал.

Возвращаться к ним Фрэнки вовсе не собиралась.

Гилли ждала на улице, у двери. Хотя этим утром было прохладно и булыжники мостовой влажно блестели, юбка на ней была, кажется, еще короче, чем в прошлый раз, край едва выглядывал из-под пальто. Фрэнки нахмурилась:

– Что вы здесь делаете?

Та робко улыбнулась в ответ:

– Надеюсь, вы на меня не слишком рассердились.

Фрэнки на мгновение задумалась, разглядывая девушку.

– Куда больше, чем на вас, я рассердилась на кафе за возмутительный счет.

– Значит, в следующий раз я угощаю.

– Ловлю на слове, – отозвалась Фрэнки. Следующего раза у нее в планах не было, но все равно приятно.

Гилли смотрела на нее с надеждой.

– Вы меня не пригласите войти? – спросила она, бросив взгляд через плечо Фрэнки, во двор.

Надо бы, подумала Фрэнки, отказать, шугануть ее, как и полагается поступать с надоедливymi сопляками, но вместо этого, не успев толком обдумать свое решение, кивнула и зашагала по двору к лестнице, а Гилли охотно последовала за ней. Вернувшись в квартиру, Фрэнки с досадой вспомнила, что еще не одета, и плотнее запахнула кимоно.

– Рановато для светских визитов, не находите? – спросила она и, едва договорив, возненавидела себя за чопорность, которую всякий раз будто подчеркивало присутствие этой девушки. Говорю как старуха, подумала она с ужасом.

– Так ведь уже почти полдень, – сказала Гилли, и Фрэнки не поверила своим ушам – оставалось лишь предположить, что, засидевшись за работой, она потеряла счет времени. Девушка между тем осматривала гостиную, с такой

жадностью вбирая взглядом детали обстановки, что становилось не по себе.

Подойдя к окну пиано нобиле, она прижала ладони к стеклу и выглянула наружу. Фрэнки насилу сдержалась, чтобы ее не отчитать – заляпает же непременно.

– Вот это вид. Отсюда, наверное, наблюдали за всем, что творилось в городе.

Восторг в ее голосе позабавил Фрэнки, но она постаралась не подать виду. И немедленно вспомнила свои ощущения в самый первый день, когда сошла с вапоретто и поднялась на один из городских мостов. На мгновение Венеция ошеломила ее: мешанина цветов, тоскливая пелена затяжного дождя и этот запах – старины, плесени, тайны, – запах, суливший исполнение сокровенного желания. Она отвернулась.

– Ждите здесь, – распорядилась она. – Я пойду оденусь.

В спальне Фрэнки торопливо скинула ночную рубашку, не желая слишком уж надолго оставлять Гилли одну. Что-то в ней настораживало, смущал ее странный, чрезмерный интерес, вспомнить только алчное любопытство, с каким она разглядывала гостиную. К тому же Фрэнки до сих пор терзали подозрения, что при первой встрече девушка солгала, что никакая она Диане не дочь, а представилась так лишь с подачи самой Фрэнки. Которая теперь никак не могла разобраться, зачем впустила ее и тем более зачем оставила одну на втором этаже. Спешно застегивая рубашку, Фрэнки попала пуговицами не в те петли, пришлось выдохнуть и начать заново.

– Красивая у вас комната.

Она испуганно вскинула голову.

Гилли стояла на пороге, осматривая спальню.

– А вы как сюда попали? – Фрэнки возмущенно повернулась к ней спиной. Пуговица никак не желала пролезать в петлю. – Черт, – пробормотала она и, взглянув на Гилли, добавила: – Я же вам сказала ждать внизу.

Та, не обратив ни малейшего внимания на ее слова, подошла к усыпанному бумагами столу:

– Работаете над новым романом? – Не дождавшись ответа, Гилли издала короткий смешок. – При мне можете не стесняться. Я никому не скажу, честно.

Фрэнки застыла.

– Не имею привычки обсуждать свою работу с посторонними.

Гилли склонила голову набок, прижалась виском к дверному косяку, не переступая порога.

– А вы не очень-то дружелюбны, Фрэнсис. Никто вам об этом раньше не говорил?

Фрэнки удивилась ее нахальству.

– Разве что мои друзья.

Девушка в ответ улыбнулась и, заметив на столе среди бумаг книгу, протянула руку:

– Обожаю этот роман. – Она открыла последнюю страницу, переплет протестующе хрустнул. – «Память о ней – твоя любовь. Другой тебе не нужно»[19 - Цитата из романа Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), действие которого происходит в Венеции. Пер. О. Чумичевой.], – прочла она вслух.

Фрэнки сощурилась.

– Терпеть не могу эту строчку.

– Но звучит до ужаса романтично. – Гилли вернула книгу на место и, выйдя из спальни, направилась к лестнице. – Как вы нашли эту квартиру?

– Через подругу, – ответила Фрэнки, выходя за ней следом. – А что?

Со спины было видно, как Гилли коротко пожала плечами. Кованая лестница скрипела под их весом, опасно покачиваясь. Фрэнки схватилась за перила, вдруг испугавшись, что потеряет равновесие.

– Завидую, если честно, – призналась Гилли и, замерев посреди лестницы, оглянулась. – Сама я не слишком хорошо устроилась.

– Правда? – Фрэнки, чуть дыша, ждала, когда она наконец тронется с места. И, едва дождавшись, поспешно зашагала следом, не терпелось почувствовать под ногами надежный пол.

– Да, – ответила Гилли, возвращаясь в гостиную. Она мельком выглянула в окно, выходящее на канал, затем повернулась к камину. Склонившись над очагом, легонько пнула прогоревшее бревно. – Там влажно, весь потолок отсырел, а камина нет, так что ничего не поделаешь. И обаяния ноль – никакого сравнения с вашим домом. – Запрокинув голову, она всмотрелась в высоченные потолки. – А вам не страшно в такой громадине совсем одной? Я бы, наверное, глаз не сомкнула, зная, что кроме меня тут никого нет. – Она оглянулась по сторонам. – Лежала бы, укрывшись с головой одеялом, и боялась каждого скрипа.

– А я не одна. Соседи есть, – сообщила Фрэнки, указывая на противоположную половину.

– Местные? – спросила Гилли.

– Я с ними пока не знакома, – неохотно признала Фрэнки.

Гилли вздернула брови:

– Таинственные соседи? Так еще страшнее.

Вспомнив темный силуэт в окне, Фрэнки невольно поежилась.

– Вы просто слишком молоды. Вот повзрослеете и поймете, что какие-то жалкие скрипы в ночи не стоят ваших нервов, – ответила она с напускной храбростью, стараясь не показать виду, что ей самой в голову приходили – да и теперь приходят – похожие мысли. – Кстати, как вы меня вообще нашли?

Гилли бросила на нее короткий взгляд:

– В смысле?

Это игра воображения или на ее лице действительно мелькнула тревога? Фрэнки сощурилась.

– В смысле, как вы нашли палаццо?

– Вы мне сами рассказали, где остановились, – ответила Гилли. Лицо ее уже решительно ничего не выражало.

Фрэнки попыталась припомнить их разговор.

– Разве?

– Ну да. «Недалеко от Кампо Санта-Мария Формоза». – Угадав в направленном на нее взгляде тревогу, Гилли тихонько рассмеялась. – Венеция – маленький город, Фрэнсис. Не так уж здесь много англичанок без сопровождающих. Вас легко отыскать.

Ее ответ неприятно поразил Фрэнки, она тут же задумалась, кто еще в городе успел приметить англичанку, которая остановилась одна в пустом палаццо. Неужели она настолько на виду, что ее можно в два счета найти, даже не зная ничего, кроме названия кампо неподалеку? Прежде чем она успела углубиться в эти размышления, Гилли снова заговорила:

– Я вам очень советую съездить на денек в Рим. Вы бывали в Риме?

– Нет, – отозвалась Фрэнки, сбитая с толку внезапной сменой темы. По правде сказать, она и в Венеции-то почти сразу бросила осматривать достопримечательности, разве что наведывалась время от времени на Мост Вздохов, а привезенный с собой синий путеводитель отложила уже через пару дней после приезда, пресытившись рассказами о бесконечных мозаиках в соборе Святого Марка и архитектурных совершенствах Дворца дождей. Добравшись в исторической справке до восемнадцатого века, к которому, если верить автору, Венеция жила за счет былого величия, и путешественники приезжали на

острова уже не ради современного им города, а за наследием грандиозного прошлого, Фрэнки решила, что с нее хватит.

– Надо же, – сказала Гилли. – Я, наверное, когда думаю про писателей, сразу себе представляю Фицджеральдов на Ривьере, Хемингуэя в Испании или Африке. – Девушка неловко усмехнулась. – Ну ладно, раз не бывали, тем более стоит съездить, пока вы тут.

– И что я там буду делать?

– Ой, не знаю. Прокатитесь на мотороллере до Колизея. Монетку бросите в фонтан Треви. Джелато наедитесь.

Фрэнки издала короткий смешок. Было в этой девчонке, с ее наивным оптимизмом, что-то очаровательное, и, сама того не желая, Фрэнки почувствовала к ней симпатию.

– Звучит чудовищно, – отозвалась она, стараясь хотя бы притвориться сердитой.

– Ох, Фрэнсис, – явно довольная, притворно вздохнула Гилли. – Так и знала, что вы это скажете.

Всю дорогу до Сан-Марко Гилли без умолку болтала, объясняя Фрэнки, что, будь сейчас лето, им бы и в голову не пришло туда соваться – вот почему Венеция так хороша в низкий сезон. Никаких туристов, с улыбкой пояснила она. Выйдя из палаццо, они без конца сворачивали в какие-то извилистые улочки – то у аптеки, то у магазинчика, где продавали сушеные травы, – пока не оказались на берегу канала, прямо у «Даниэли»[20 - Исторический отель в районе Сан-Марко, существующий с 1824 года. Расположен в палаццо Дандоло, построенном в XIV веке.]. Оставалось только перейти мост, чтобы попасть в самую туристическую часть города, сейчас, к счастью, свободную от толчеи и от любителей покормить хлебом голубей, роившихся у собора.

Так короче всего, бросила через плечо Гилли, ступая на единственную в городе пьяццу[21 - Площадь (ит.). Все площади Венеции, кроме центральной, площади Сан-Марко, называются кампо.]. Фрэнки с удивлением поняла, что они направляются к тому же самому кафе, просто Гилли вела ее совсем не тем путем, каким она накануне добиралась сама. Впрочем, девушка, как выяснилось,

неплохо знала Италию вообще и Венецию в частности. Она рассказала, что с раннего детства каждый год ездила сюда с родителями – поначалу только летом, но когда стала постарше, и зимой тоже. У них был даже собственный дом в городе, но год назад его продали: возраст брал свое, родителей тянуло туда, где потеплее. В этот раз Гилли остановилась у подруги, вернее сказать, у приятельницы, в крохотной квартирке с четырьмя соседками примерно ее возраста: две итальянки, одна англичанка, а еще с одной только предстоит познакомиться. Именно поэтому, объяснила она Фрэнки, давать кому-то номер телефона бесполезно – аппарат общий и вечно занят, соседкам ни до чего нет дела, кроме планов да компании на вечер.

Сообщила она все это совершенно спонтанно, не дожидаясь вопросов.

Фрэнки уже жалела, что согласилась куда-то идти со столь болтливой компаньонкой, уже с тоской вспоминала об уединении палаццо и о кафе недалеко от кампо, где ее, можно сказать, принимали за свою – не успевала она войти и сесть, как хозяин кивал ей и начинал готовить заказ.

Завидев «Флориан», она вдруг осознала, что в прошлый раз не удосужилась даже рассмотреть его – сперва слишком спешила, а потом злилась на Гилли, не потрудившуюся явиться. Теперь Фрэнки не могла взять в толк, как это она не обратила внимания на роскошь, очевидную даже снаружи, на мраморные полы и арки, отсылавшие прямиком в прошлое.

За столиками на улице почти никого не было – погода в холодные месяцы стояла капризная, вода из лагуны потихоньку подбиралась к центру пьядцы. Но внутри почти все места оказались заняты, повсюду в тусклом сиянии люстр сидели люди с чашками дымящегося кофе и живописными десертами, а по стенам то и дело рассыпались искры света, отраженного от драгоценного камня в чьей-то сережке или полированного стекла наручных часов. Фрэнки заметила, что кафе состоит из нескольких залов – сплошь позолота и красный бархат, – которые отличаются друг от друга лишь сюжетами внушительных картин, развешанных по стенам, точно в музее. Она кивнула официанту в накрахмаленной до хруста униформе и шагнула в ближайший зал, собираясь занять столик у входа.

Не успела она присесть, как Гилли схватила ее за руку.

– Что вы вытворяете? – взвилась Фрэнки, ошеломленно разглядывая пальцы, сомкнувшиеся вокруг ее запястья.

– А вы что вытворяете? – воскликнула Гилли, уставившись на нее с не меньшим ужасом. – Только не говорите, что все это время пили кофе сидя. Немудрено, что вам выставили огромный счет.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и зашагала прочь из зала, даже ни разу не оглянувшись проверить, идет ли Фрэнки следом. Официант выглядел весьма разочарованным, но Гилли, не обращая на него ни малейшего внимания, направилась к деревянной стойке, скрытой от посторонних глаз в дальнем конце кафе, по левую сторону от входа, где уже толпились среди редких барных стульев с плюшевой обивкой завсегдатаи из местных – не сидел никто.

Слава богу, среди всей этой суеты Гилли некогда было приглядываться к Фрэнки, щеки которой сперва порозовели от стыда, а потом, едва она поняла, что краснеет, и вовсе запунцовели. Она вовсе не имела привычки заливаться румянцем по всякому поводу, точно чувствительная барышня. Слишком это было по-женски, именно этого все ждали от женщин до сих пор, хотя мир вроде бы не стоял на месте. Фрэнки тут же вспомнила фразу, брошенную давным-давно, на заре ее карьеры, одним колумнистом, с которым она познакомилась на очередном приеме, где отчаянно старалась вести себя ровно так, как принято. Джек, услышав его комментарий, чуть не лопнула от смеха. «Ты, моя дорогая, – сказала она, – какая угодно, но уж точно не милая». Ее слова Фрэнки с тех пор носила гордо, точно орден.

– На этом туристы и попадаютс, – с заговорщицкой ухмылкой прошептала ей на ухо Гилли, когда они подошли к бару. – Стоит сесть там, – она ткнула пальцем в сторону зала, где Фрэнки едва не заняла столик, – и ваш счет умножают на три.

– И как, скажите на милость, в таком случае пить кофе?

– Аль банко, – ответила Гилли, кладя руки на стойку. – У бара.

В ту же секунду перед ними возник официант. Его брови вопросительно приподнялись.

– Капучино, – начала было Фрэнки, но тут вклинилась Гилли, помотав головой, отменила ее заказ и сделала новый. Различив в ее речи несколько знакомых слов, Фрэнки уточнила: – А это разве не то же самое? Только название длиннее.

– Я нам заказала кофе с капелькой молока, а не молоко с капелькой кофе. – Когда официант отошел, она добавила: – Никогда не берите в таких местах капучино. Если, конечно, не хотите получить чашку подогретого молока.

Фрэнки кровь бросилась в лицо. После первой отповеди она от неожиданности устыдилась, но эти наставления начинали понемногу раздражать. Она сроду никому не позволяла собой командовать и уж точно не собиралась терпеть нотации от девицы на десять лет себя моложе.

– Еще какие-нибудь полезные советы? – спросила она сквозь зубы.

Гилли всерьез задумалась, пропустив мимо ушей тон, каким был задан вопрос.

– После полудня только эспresso. Тоже стоит иметь в виду. – Она наморщила нос, точно это помогало собраться с мыслями. – А, да, на кофе тратить пару минут, не больше. Исключение – места вроде этого. – Она обвела жестом изысканную обстановку. – «Флориан» особенный, а так выпить кофе – минутное дело.

Эту короткую лекцию она прочла, нисколько не отвлекаясь на взгляды, которыми награждали ее мужчины, сгрудившиеся на другом конце бара, будто бы даже не замечая их. Молодости, стройной фигуры и высокого роста во все времена было достаточно, чтобы привлечь внимание, это Фрэнки точно знала. Такая женщина неминуемо притягивает взгляды, пусть даже брошенные вскользь, между прочим. Но в том, как окружающие смотрели на Гилли, было нечто особенное, как и в ней самой. Взять хотя бы ее голос – не раздражающе громкий, но достаточно звучный, чтобы вызвать интерес, – или жесты, сопровождавшие ее речь, широкие и свободные, без оглядки на других, без страха вторгнуться в чужое пространство. В ее манере говорить и двигаться угадывалась не по годам крепкая, непоколебимая уверенность в себе. Этим она и выделяется, поняла вдруг Фрэнки. Ни одна из знакомых ей женщин – кроме нее самой – не умела в столь юном возрасте держаться с таким достоинством, и ей было не понаслышке известно, насколько это бросается в глаза, даже если изо всех сил стараешься слиться с толпой.

Она с трудом сдержала улыбку. Странное дело, те же качества с возрастом начинают восприниматься совершенно иначе. Теперь Фрэнки называли не уверенной в себе, а упрямой. Из молодой независимой девушки она превратилась в старую деву. А самое идиотское, что она-то ничуть не поменялась со времен своей молодости, разве только угомонилась слегка, стала спокойнее. Это все вокруг настаивали, что теперь она совершенно другой человек.

Когда перед ними поставили две чашки кофе с капелькой молока, Гилли сделала еще один заказ.

– Что это вы попросили? – вскинув бровь, поинтересовалась Фрэнки.

– Скоро сами увидите, – отказалась переводить Гилли. – А вы знали, что когда-то это была единственная во всей Венеции кофейня, куда пускали женщин? Отчасти поэтому я и люблю здесь бывать, даже несмотря на толпы на Сан-Марко.

Внезапная торжественность тона девушки удивила Фрэнки.

– Тут приятно, – признала она. Даже у стойки, вдали от роскошных залов, атмосфера была иной, нежели в барах, где ей приходилось бывать раньше, не обремененных ни историей, ни архитектурными претензиями, их непримечательность успокаивала, здесь же, в заведении, существовавшем веками, ее охватило странное волнение.

Через несколько минут официант вернулся с чашкой густого горячего шоколада, которую Гилли проворно пододвинула к Фрэнки, и та почувствовала, как все дружелюбное отношение в ней стремительно улетучивается.

– Вы серьезно?

Слова сами собой соскочили с языка. Гилли тут же сникла, на лице ее потихоньку расцветала обида. Но Фрэнки, вместо того чтобы устыдиться своей грубости, лишь сильнее разозлилась. Ее отчего-то выводила из терпения эта нелепая гримаса, эти кокетливо надутые губки. Чего эта девица, собственно, ожидала? Фрэнки с детства не пила горячего шоколада, да и в детстве, если уж на то пошло, терпеть его не могла.

– Ладно, – сварливо бросила она, воображая, какую выволочку получила бы от Джек за дурные манеры, окажись та рядом. Со вздохом она нарочито медленно поднесла чашку к губам, сделала глоток – и с удивлением поняла, что это и впрямь вкусно, куда вкуснее, чем она предполагала, с ужасом вспоминая бледное какао из своего детства, мерзким налетом оседавшее на языке.

Гилли просияла.

– Так и знала, что вам понравится! А теперь, – глотнув кофе, продолжила она, – расскажите о себе все. Я настаиваю.

– Боюсь, что и рассказывать-то нечего, – ответила Фрэнки, рассчитывая умерить ее пыл. – Живу я уединенно и довольно скучно.

– Вот уж не поверю, – заявила Гилли, возвращая пустую чашку на стойку.

Фрэнки отчаянно старалась не улыбаться.

– Вот как?

Подавшись вперед, Гилли замерла в паре дюймов от ее лица:

– Я, между прочим, в литературном мире ориентируюсь лучше, чем вы думаете.

– Вот как?

После секундной заминки Гилли кивнула:

– Именно так. У моего дедушки, между прочим, было свое издательство.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Разновидность съедобных двустворчатых моллюсков. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Район, административная единица в Венеции и некоторых других итальянских городах.

3

Крапфен, берлинский пончик, берлинер, – изначально немецкий десерт, который тем не менее считается национальным блюдом в нескольких северных регионах Италии, в том числе в Венеции.

4

Мини-каракатицы (ит.).

5

Традиционный венецианский бар или таверна, где подают напитки и закуски.

6

Здесь: бокал вина (венет.).

7

Патриция Хайсмит (1921–1995) – американская писательница, автор психологических детективов, в том числе знаменитого романа «Талантливый мистер Рипли» (1955) и его продолжений.

8

Желаете что-то купить, синьора? (ит.)

9

Нет, спасибо (ит.).

10

Нет, синьора (ит.).

11

Особняк в Швейцарии, где летом 1816 года останавливались лорд Байрон и Джон Полидори, а также часто бывали Мэри и Перси Шелли, снимавшие дом неподалеку. Собираясь на вилле, они развлекали друг друга историями собственного сочинения, две из которых, «Франкенштейн» Шелли и «Вампир» Полидори, впоследствии стали знаковыми произведениями готической литературы.

12

Речь о романе «Последний человек» (The Last Man, 1826), действие которого происходит в мире будущего, объятom эпидемией чумы.

13

«Паломничество Чайлд-Гарольда», песнь четвертая. Здесь и далее цитируется в переводе В. Левика. Ponte dei Sospiri – Мост Вздохов (ит.).

14

Кондитерская (ит.).

15

Небольшой ресторан, таверна (ит.).

16

В Венеции – улица.

17

Вид общественного транспорта в Венеции – многоместные гондолы, которые перевозят пассажиров с одного берега Гранд-канала на другой.

18

Спокойной ночи (ит.).

19

Цитата из романа Генри Джеймса «Крылья голубки» (1902), действие которого происходит в Венеции. Пер. О. Чумичевой.

20

Исторический отель в районе Сан-Марко, существующий с 1824 года.
Расположен в палаццо Дандоло, построенном в XIV веке.

21

Площадь (ит.). Все площади Венеции, кроме центральной, площади Сан-Марко, называются кампо.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mengan_kristin/dvorec-utoplennicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)